

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

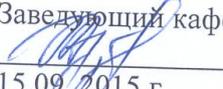
Факультет белорусской и русской филологии

Кафедра общего и русского языкознания

рег. № УМ 31-5-143/2015

СОГЛАСОВАНО

Заведующий кафедрой

 А.А. Гируцкий

15.09.2015 г.

И.П. Стариченок

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
ПО ФАКУЛЬТАТИВНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ
«КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА»

для специальности 1-02 03 04 Русский язык и литература.
Иностранный язык

Составитель:

Ю.А. Гурская, кандидат филологических наук, доцент

Рассмотрено и утверждено

на заседании Совета БГПУ «16» 11 2015 г., протокол № 3

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Учебно-методический комплекс (далее – УМК) составлен в соответствии с учебной программой учебной дисциплины «Когнитивная лингвистика» и требованиями Государственного образовательного стандарта Республики Беларусь; предназначен для преподавателей, а также студентов факультета белорусской и русской филологии БГПУ, которые обучаются по специальностям 1-02 03 04 Русский язык и литература. Иностранный язык

Цель данного учебно-методического комплекса – создать условия для наиболее эффективной реализации требований образовательной программы по диалектологии и соответствующего образовательного стандарта высшего образования.

Учебно-методический комплекс включает:

- теоретический раздел (конспект лекций по дисциплине);
- практический раздел (тексты для анализа и обсуждения);
- вспомогательный раздел (учебная программа, учебно-методическая карта дисциплины, методические рекомендации, перечень учебных изданий).

Программный материал учебной дисциплины сгруппирован по разделам, отражающие логику и содержание курса, что представлено и в учебно-методическом комплексе: когнитивная лингвистика – новая научная парадигма 2-й половины XX – начала XXI вв.; проблема «язык и мышление» в современной научной парадигме; языковая картина мира; база знаний: языковые и внеязыковые; универсальное и безэквивалентное в языке; концептуализация в языке и тексте; способы концептуальной организации знаний в процессе понимания и построения сообщений; категории: взаимосвязь языка и действительности; стереотипы, прототипы; тропы как когнитивные механизмы; теория профилирования; фреймы и обработка информации; интерпретация текстов.

Учебно-методический комплекс рассчитан на самостоятельное использование преподавателями и студентами в процессе подготовки к лекционным занятиям, а также к контрольным работам.

Учебно-методический комплекс составлен в соответствии с рекомендованными типовым учебным планом общим объемом дисциплины (20 часов) и видами учебной работы.

Виды учебной работы	Количество часов
Аудиторные занятия:	20
- лекционные	20
Общая трудоемкость дисциплины	20
Вид итогового контроля	реферат

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

1.1. КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

Лекция 1

Когнитивная лингвистика – новая научная парадигма 2-й пол. XX – начала XXI века

Возникновение и бурное развитие когнитивной лингвистики на современном этапе – характерная черта современного языкознания. КЛ – одно из направлений междисциплинарной науки, изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации.

Предмет КЛ – особенности усвоения и обработки информации, способы ментальной репрезентации знаний с помощью языка. Конечной задачей КЛ, как и когнитивной науки в целом, является «получение данных о деятельности разума». При этом исследование сознания составляет общий предмет когнитивной науки (Кубрякова).

Многие когнитивисты начало когнитивного подхода к языку видят в работах В. фон Гумбольдта, в трудах которого была сформулирована одна из основополагающих идей когнитивной лингвистики – переход от описательной грамматики к объяснительной. Школы когнитивной лингвистики сложились к 80-м годам XX столетия, хотя истоки когнитивного подхода к языку можно найти в античности. Появление термина *когнитивная лингвистика* ученые связывают с именем М.Бирвиша. Начиная с 80-х годов уходящего столетия эта научная парадигма стала ведущей – работы А.Векичковой, Дж.Лакоффа, Н.Хомского, В.Касевича и других когнитивистов являются наиболее цитируемыми в мировой лингвистике. В центре внимания КЛ находятся те аспекты языка, которые связаны с усвоением, обработкой, организацией, хранением и использованием человеком знаний об окружающем его мире. Таким образом, когнитология – междисциплинарная наука, что выражается в активном привлечении когнитологами самых разнообразных сведений о мышлении и мозге (данных философии, логики, нейрофизиологии, психологии, антропологии и т.д.).

На современном этапе развития науки ученые выделяют два основных подхода в современной когнитивной лингвистике – лингвокогнитивный и лингвокультурный.

Лекция 2

Проблема «язык и мышление» в русле современной научной парадигмы

Основными вопросами новой научной парадигмы, связанными с традиционной проблемой «язык и мышление», являются: универсальность и бесконечность; проблема врожденного и приобретенного в языке; природа человеческого мышления. Согласно новому подходу, мышление человека обусловлено его «телесным опытом» и имеет смысл лишь в терминах этого опыта. Ядро понятийной системы непосредственно определяется перцептивным и моторным опытом человека, а также его социальными контактами. Вопрос о взаимоотношении языка и мышления имеет первостепенное значение для определения сущности языка, для теории познания и психологии.

С точки зрения В.Б.Касевича, обе традиционно противоборствующие точки зрения – «первична мысль – вторичен язык» vs «первичен язык – вторична мысль» – оказываются в равной степени верными, если они дополнительно распределены относительно филогенеза/онтогенеза соответственно.

В соответствии с новым взглядом на мыслительный процесс, мышление человека является образным в том смысле, что для представления понятий, не обусловленных

непосредственным опытом, человек прибегает к метафоре, метонимии и образным построениям (*mental imagery*).

Лекция 3 Языковая картина мира

ЯКМ – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Вайсгербер и др.) о *внутренней форме языка*, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности так называемой *гипотезе лингвистической относительности* Сепира – Уорфа, – с другой.

Согласно В.Б.Касевичу, базисные представления, формирующие картину мира: *пространство и время; категоризация объектов действительности; субъектно-объектные отношения.*

Как отмечает Ю.Д.Апресьяна, каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, психологию и т.д.

Понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (ср. термин «наивная картина мира»); 2) каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Исследование языковой картины мира ведется в двух направлениях, в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия. С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному». С другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка (= лингвоспецифичные) концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры (в том смысле, что дают «ключ» к ее пониманию) и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки.

Лекция 4 Отражение национального менталитета в языке

Термин менталитет в последнее время весьма частотен в работах по когнитивной лингвистике. Под менталитетом понимают специфический способ восприятия и понимания

действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определения личности, социальной или этнической группы людей.

Выделяют менталитет личности, группы и народа (этноса). Менталитет личности обусловлен национальным, групповым менталитетом, а также факторами личного развития человека – его индивидуальным образованием, культурой, опытом восприятия и интерпретации явлений действительности.

Групповой менталитет – это особенности восприятия и понимания действительности определенными социальными, возрастными, профессиональными, гендерными и др. группами.

Национальный менталитет – это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации.

Менталитет и концептосфера тесно связаны и взаимодействуют в процессе мышления. Концептосфера – это сфера мысли, информационная база когнитивного сознания народа и отдельной личности. Основным источником формирования концептов – личная познавательная деятельность личности, в том числе через ее коммуникативную деятельность. Исследование национального семантического пространства языка – это моделирование вторичной, опосредованной, языковой картины мира. Важным элементом бытования НЯКМ является сопоставление языка с другими языками.

Лекция 5

Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М.Джонсона

Книга «*Метафоры, которыми мы живем*», написанная известным лингвистом Дж. Лакоффом в соавторстве с философом М. Джонсоном (1980 г.) заложила основы когнитивной лингвистики как самостоятельной дисциплины. В основе данного исследования лежит взгляд на метафору как на языковое явление, отображающее базовый когнитивный процесс. По мнению многих когнитологов, важнейшую роль в процессах мышления человека играют не формальные процедуры вывода, а аналогии как перенос знаний из одной содержательной области в другую. Авторы книги «*Метафоры, которыми мы живем*» акцентируют внимание на том, что под термином *метафора* подразумевается мегаскопическое понятие, или *концептуальная метафора*. В работе Дж. Лакоффа и М.Джонсона впервые доказано, что в метафоре заложен процесс познания мира.

Исследование концептуальной метафоры стало одним из важнейших направлений современной когнитивной лингвистики, которая отказалась от традиционного взгляда на метафору только как на один из способов «украшения» речи. Современная когнитология рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет.

Исследователи выделяют побочные (второстепенные) и базисные (ключевые) метафоры. Первые определяют представление о конкретном объекте (*спор – это война*), вторые – способ мышления о мире (*мир – книга; весь мир – театр, и люди в нем актеры*).

В языковой деятельности, проявленной в речи, метафора – важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата. Анализ метафорических образов – это способ изучения ментальных процессов и постижения индивидуального, группового и национального самосознания. Вместе с тем ее изучение в художественном тексте позволяет глубже изучить способ познания, структурирования и объяснения мира отдельными авторами.

Лекция 6

Категоризация и концептуализация в языке и тексте

Понятие категоризации относится к центральным понятиям когнитивной лингвистики. Под категоризацией понимается осмысление объектов и явлений действительности в рамках категорий – обобщенных понятий. Результатом категоризации является формирование когнитивных классификационных признаков, которые выделяются в группах концептов и обнаруживаются в отдельных концептах. Дж. Лакофф одним из первых ввел в научный оборот понятие классификатор. Ученый отмечает, что основным принципом классификации является принцип сферы опыта. По мнению Дж.Лакоффа, когнитивные модели используются при осмыслении мира. Классификация и категоризация – ментальная деятельность человека. Выделяются: классическая теория категорий (Аристотель); категоризация с опорой на прототип (Э.Рош); теория «фамильного сходства» Л.Витгенштейна. Категоризация объектов действительности тесно связана с языковой картиной мира, зависит типа культуры.

Согласно Рош, категории имеют свой *центр и периферию*: более типичные ее члены располагаются ближе к центру, менее типичные занимают периферию (типичность определяется по нескольким критериям, применяемым при опросе информантов). Например, в категории *птица* малиновки и воробьи были признаны типичными; а орлы – в силу того что они хищники - менее типичными. Куры, утки, гуси, пингвины и страусы - еще менее типичны и, следовательно, занимают место на периферии категории *птица*. Член категории, признанный информантами в качестве *ее лучшего примера (best example)* – это **прототип** данной категории. Таким образом, члены категории не равны, однако, подчеркивает Рош, это не означает, что пингвин и страус являются в меньшей степени птицами, чем малиновки. Все члены данной категории являются «сто процентными» птицами, различие же заключается только в их типичности, т.е. в степени близости к прототипу [Lakoff 1987: 40-46].

Концептуализация, как и понятие концепта, – ключевое в когнитивной лингвистике. Под К. понимают процесс образования и формирования концептов в сознании (Болдырев, 2004), осмысление новой информации, ведущей к образованию концепта (КСКТ). Результатом концептуализации является концепт, мысленное отражение выделенных признаков данной области, выступающей денотатом концепта. Т.О., под К. понимают процесс порождения новых смыслов.

Концептуальная система или структура – ментальный уровень, где сосредоточена совокупность концептов, их упорядоченное объединение. Выделяют универсальные, национальные и индивидуально-авторские концепты.

В процессе исторического развития концептосфера человека претерпевает изменения. Концептуализация – постоянно продолжающийся процесс как в обществе, так и в индивидуальном сознании. Отдельная область исследований – концептуализация в разных типах текста.

Лекция 7

Стереотип как предмет когнитивной лингвистики

Понятие стереотипа, введенное В.Липпманном, является междисциплинарным. Данный феномен – предмет исследования в социологии, теории коммуникации, истории литературы и культуры, философии языка, когнитивной лингвистики. Термин С. пришел из языка печатников, где он означал копию первоначальной типографской формы для высокой печати. Липпманн понимал С. как схематичный и односторонний «образ в голове человека»

какого-либо явления, человека, вещи – и одновременно мнение о нем, усвоенное из окружающей среды еще до познания самого объекта.

Согласно Е.Бартминьскому, лингвистика, включающая С. в круг своих исследований, ищет ответы на следующие вопросы:

- а) что такое С. с точки зрения языка;
- б) каковы функции С. в процессе общения людей и шире – как он вообще связан с функциями речи и языка?
- в) в каких разновидностях и стилях языка с. выступают особенно часто; какие стили их не допускают (научный стиль?) и почему?
- г) с какой группой лексики они прежде всего связаны?
- д) какие формальные признаки имеет стереотип в текстах?

Показателями С. являются: повторяемость характеристики предмета в различных высказываниях, а также закрепление этой характеристики в языке, а именно в значениях слов. Особо значимая группа языковых С. – стереотипы некоторых народностей (национальностей). Выделяют также такие группы, как С. некоторых профессий, избранные С. семейных ролей, мифологические и идеологические представления. Семантическим С. Е.Бартминьский приписывает некоторые общие черты, свидетельствующие о существовании своего рода системы стереотипов.

Лекция 8

Профилирование в языке и тексте

Понятие профилирования не имеет в лингвистической литературе одного, всеми признанного значения. Выделяют две его основные трактовки: одна из них восходит к идеям американского когнитивизма (Р.Лангекер); другая представлена в работах А.Вежбицкой, Е.Бартминьского и работами люблинских этнолингвистов. В работах польской лингвистической школы под профилированием понимают субъективную, т.е. обладающую собственным субъектом, языковую и понятийную операцию, состоящую в своеобразном формировании образа предмета путем его описания по определенным аспектам (частным категориям, фасетам), таким, как происхождение, признаки, внешний вид, функции, события, переживания и т.п., в рамках некоторого типа знаний и согласно требованиям определенной точки зрения.

Понятия профиля и профилирования представляют собой центральную точку целого комплекса понятий, в который входят кроме того: понятие точки зрения, аспекта, рамки опыта и сцены. Все эти понятия подчинены на более общем уровне понятию языковой картины мира.

Важнейшее место в данной понятийной системе занимают понятия аспекта и фасеты.

Категоризация предмета, подбор фасет, соответствующий проведенной категоризации и качественные характеристики предмета в рамках принятых фасет складываются в общее понятие профилирования.

Результатом профилирования является профиль – вариант представлений о предмете, сформировавшемся путем подбора фасет, их упорядочивание по правилам импликации, их заполнение содержанием согласно принятым знаниям о мире, и в то же время вариант, который строится каким-то доминирующим фактором, доминантой.

Лекция 9

Фрейм и обработка информации

Фрейм в КЛ понимают как своеобразный «пакет» информации, который обеспечивает адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Синонимами

понятия фрейм в когнитологии являются понятия схема, сценарий (скрипт), ситуация, план, когнитивная модель и т.д. (Минский, Шенк). Исследуется соотношение понятий фрейм и семантическое поле, фрейм и ассоциативное поле.

Лекция 10

Концептуальное пространство текста

С точки зрения когнитивной лингвистики, литература является одним из видов ментальной деятельности. Концептуальное пространство текста формируется на основе слияния, сближения общих признаков концептов, репрезентируемых на поверхностном уровне текста словами и предложениями одной семантической области. Ключевой концепт текста представляет собой ядро индивидуально-авторской художественной картины мира, воплощенной в отдельном тексте или в совокупности текстов одного автора. В художественном тексте осуществляется эстетическая концептуализация мира творческой личностью. Концептуальный анализ текста является важным способом изучения и описания художественной картины мира.

Список литературы

1. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.
2. Баранов, А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56, N 1. С. 11–21.
3. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
4. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
5. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: «языки русской культуры», 1999. – 780 с.
6. Лакофф Дж., Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1995. С. 143–184.
7. Лангакер, Р. В. Природа грамматической валентности // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1998. N 5. С. 73–111.
8. Лангакер, Р. В. Модель, основанная на языковом употреблении // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1997. N 4: с. 159–174; N 6: с. 101–123.
9. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
10. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ, 2010. – 314 с.
11. Прохоров, Ю.Е. В поисках концепта. – М.: Икар, 2004 - 204 с., изд. 2-е - М., Флинта: Наука, 2007. – 200 с.
12. Прохарава, С. Выбравшы працы. Мінск: Права і эканоміка. 2009. – 325 с.
13. Рахилина, Е. В. Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сборник обзоров. М., 1997. С. 370–389.
14. Рахилина, Е. В. Когнитивная лингвистика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 274–323.
15. Скребцова, Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Послел. Н. Л. Сухачева. СПб., 2000.
16. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
17. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. 1999. N1: с. 91–115; N4: с. 76–104; N6 с. 88–121.
18. Ченки, А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. N 2. С. 68–78.
19. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 340–369.

Дополнительная литература

1. Брагина, Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянской культуры, 2007. – 520 с.

2. Воркачев, С. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: «Гнозис», 2007. – 284 с.
3. Десюкевич, О.И. Теория текста: пособие для студентов Ин-та журналистики БГУ. – Минск: БГУ, 2011. – 132 с.
4. Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – Спб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 288 с.

2. ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

2.1. ТЕКСТЫ ДЛЯ АНАЛИЗА И ОБСУЖДЕНИЯ

Текст 1. *В.Б.Касевич*

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Само по себе словосочетание «язык и культура» чаще всего порождает ассоциации с тем, что называют «культурой речи», иногда – с языком художественной литературы. Об этом речь не будет идти. Речь пойдет о некоторых аспектах того, как, изучая язык, мы можем объяснить особенности той или иной культуры и, наоборот, как, изучая культуру, мы можем объяснить особенности того или иного языка.

По понятным причинам я не буду пытаться сейчас дать содержательное определение культуры. Что такое культура – это большой и сложный вопрос. Но, вероятно, при любом определении можно утверждать, что язык как таковой является основанием культуры. Возникает естественный вопрос о врожденном компоненте в языке, это тоже отдельный большой вопрос и я немножко затрону его в конце лекции, но, сколь бы ни был весом компонент врожденного в языке вообще, любой конкретный язык есть плод культурной эволюции соответствующего сообщества. В языке — в его словаре и грамматике — нам явлена картина мира сообщества, его, этого сообщества, кристаллизованный опыт.

Здесь не избежать «вечного» вопроса о лингвистической относительности, который давно обсуждается не только филологами, лингвистами, но и философами, психологами. Вопрос иногда формулируется таким образом: язык формирует мышление или мышление формирует язык? Наверное, любой гуманитарий знает хотя бы что-нибудь о гипотезе Сепира — Уорфа, о взглядах Гумбольдта, о неогумбольдтианстве в духе Вайсгербера. Я не буду сейчас обсуждать то, чем отличается Сепир – Уорф от Гумбольдта, позволю себе сослаться на то, что решение этой проблемы было мной предложено в книге, вышедшей в 1977 году «Элементы общей лингвистики». Решение состояло в том, что вопрос «язык определяет мышление или мышление определяет язык?» должен получать принципиально разные ответы в зависимости от выбранного ракурса рассмотрения: филогенетического или онтогенетического. Лингвистическая относительность действительно существует. Почему, скажем, эскимосы различают множество разновидностей снега, то есть существуют отдельные слова для многих разновидностей снега, а в бирманском языке снег и пух хлопкового дерева могут обозначаться одним словом? В этих и ряде других случаях (примеры можно умножать до бесконечности) лингвистическая относительность фактически проявляется в том, что экспонент знака (означающее) и денотат (референт) соотносятся не напрямую, не непосредственно, а через десигнат (означаемое, сигнификат, существует несколько терминов). Для тех, кто знаком с литературой я могу сказать, что это хорошо показывает знаменитый треугольник Огдена – Ричардса, который в основных своих чертах воспроизводящий взгляды стоиков: означающее («символ») и референт там соединены пунктирной линией, сплошная идет от означающего к референту и наоборот через означаемое («мысль»). Иначе говоря, идиоэтническая мысль выбирает в «вещи» некий ракурс, который и ассоциируется с данным означающим. Очень простой пример можно привести даже не выходя за пределы одного языка: возьмем слова «луна» и «месяц». Они

относятся к одному и тому же референту, к одной и той же вещи, но каждое из них выбирает в референте «что-то свое», какие-то специфические признаки: обозначение луна мотивировано светом, исходящим (отражающимся) от луны. В словаре Фасмера приводится слово «лунить» со значением — бросать тусклый отблеск, а обозначение месяц, слово месяц мотивировано связью меры времени с фазами луны. Здесь разные ракурсы сосуществуют в пределах одного языка, русского, но, конечно, еще чаще такие расхождения мы встречаем в разных языках.

Именно идиоэтничность мысли создает феномен лингвистической относительности. Вполне понятно, что этот выбор ракурса не осуществляется каждым индивидуальным носителем языка, он осуществляется «родом», т.е. в филогенезе. Именно в филогенезе мысль определяет язык; точнее, в языке закрепляются результаты когнитивного опыта, который (этот опыт) носит идиоэтнический характер.

Иное дело в онтогенезе. В онтогенезе, где, как уже косвенно упоминалось, каждый «вновь пришедший» член популяции, который не может не осваивать язык, именно через последний получает существеннейшую долю уже «готового» когнитивного опыта, в языке кристаллизованного. Поэтому можно сказать, что во многом прав М.Хайдеггер: «Не мы говорим на языке, но язык говорит нами». Некоторые авторы говорят, что язык «репрессивен», он подавляет нас, он навязывает нам свою картину мира. Следовательно, с онтогенетической точки зрения язык в значительной степени формирует мысль.

В значительно более широкий контекст этот тезис вписывается, если мы привлечем положения так называемой биоэпистемологии. Эти положения впервые были выдвинуты Конрадом Лоренцем, который у нас более известен как автор книг, связанных с этологией, с зоопсихологией. В статье «Кантовская концепция априори в свете современной биологии» (у нас эта статья появилась в переводе в 2000 году). Лоренц начинает со сжатого изложения знаменитой теории Канта о «вещи в себе» и о существенном разрыве, который, по Канту, налицо между этой последней (то есть нашей мыслью) и нашей мыслью о ней. Лоренц пишет: «Согласно Канту, категории пространства, времени, причинности и т.д. суть данности априори, определяющие форму всего нашего опыта и делающие сам опыт возможным». О вещи в себе мы ничего не знаем, кроме того, что она существует; она непознаваема, а то, что мы считаем отражением вещи в себе в наших ментальных механизмах, именно типом механизмов и определяется, то есть типом наших собственных ментальных механизмов. Лоренц замечает по этому поводу, что «тот, кто знаком с врожденными реакциями живых организмов, согласится предположить, что априори существует в силу наследственной дифференциации центральной нервной системы, специфичной для разных видов и определяющей предрасположенность мыслить в определенных формах». Но эта предрасположенность возникла в результате эволюции — в результате прикосновения центральной нервной системы к данному типу действительности, к данному типу среды. Лоренц приводит такую аналогию: плавник рыбы — ее наследственно детерминированный орган, генетически заданный, его вид и функции определяются именно и только генетикой и не зависят от среды, с которой плавники (и рыба как таковая) взаимодействуют. Но это — соотношение, действительное для каждой индивидуальной рыбы, в онтогенезе каждой рыбы воспроизводится данный тип органа, который генетически запрограммирован на данный тип взаимодействия со средой. Но совершенно очевидно, что в филогенезе именно взаимодействие со средой сформировало плавник в ходе эволюции. Соответственно лишь с точки зрения онтогенеза и данного момента на эволюционной траектории можно говорить о независимости плавника от среды, о том, что тип строения предопределяет взаимодействие организма со средой.

Точно так же можно утверждать, что разум человека (его ментальные, когнитивные структуры) не зависят от опыта, от вещей в себе лишь с точки зрения онтогенеза, с точки зрения состояния на данный момент эволюции. Однако если рассматривать весь путь эволюции, то придется признать, что ментальные, когнитивные структуры человека, его

центральная нервная система (на базе которой они существуют), сложились эволюционным путем именно как результат взаимодействия со средой – с вещами в себе – и в этом смысле средой определяются.

Лоренц как будто бы нигде не употребляет термин «онтогенез» (хотя и говорит об отдельно взятом организме) и термин «филогенез» он тоже не употребляет, но параллельно с тем, что говорилось выше по поводу соотношения языка и ментальных (когнитивных) структур человека, представляется разительной. Иначе говоря, лингвистическая относительность, та самая относительность, вокруг которой так много споров, это — лишь частный случай результата, который возникает в ходе эволюционного приспособления к некоторой среде, к разным средам для разных этнокультурных популяций. Чаще всего мы не можем описать такую среду скольконибудь полно; на данный, наблюдаемый нами момент эволюции язык, а это система достаточно консервативная, воспроизводит с помощью отчасти генетических, отчасти культурных механизмов картину мира плюс правила ее описания при коммуникации, которые (картина мира и правила) адаптивно удовлетворительны для «какой-то» экологической ниши. Больше мы ничего не можем сказать по этой части, только «какойто», она нам неизвестна.

Таким образом, ответ на вопрос «почему эскимосы различают множество разновидностей снега, а в бирманском языке снег и пух хлопкового дерева могут обозначаться одним словом?» абсолютно ясен: это, если угодно, экологически мотивированные различия, и, конечно, не язык — причина чувствительности или нечувствительности к тем или иным различиям в мире вещей. Разумеется, гораздо труднее ответить на вопрос о том, почему в одном языке два грамматических времени, а в другом — пять, но и здесь, в конечном счете, нужно искать экологические, в широком смысле, причины, относящиеся к взаимодействию ума, разума, который преднастроен на любую «земную» действительность, с действительностью именно данного, а не какого-то иного типа.

И, повторим еще раз, та же проблема приобретает существенно иной облик, если мы взглянем на нее с точки зрения онтогенеза. Любой человек в своем индивидуальном развитии приобретает и структурирует свой опыт во многом не благодаря непосредственному взаимодействию с миром, а «через» язык, в котором уже явлен кристаллизованный опыт общества. Откуда юный эскимос знает, что нужно различать *n*, а не *m* разновидностей снега? Безусловно, благодаря тому, что именно столько разновидностей различает язык, как он используется окружением ребенка. Таким образом, обе противоборствующие точки зрения: «первична мысль — вторичен язык» и «первичен язык — вторична мысль» оказываются в равной степени верными, они дополнительно распределены относительно филогенеза/онтогенеза соответственно.

К этому можно было бы добавить, что, даже если бы мы не противопоставляли филогенетический и онтогенетический подходы, у нас и тогда были бы основания говорить об определенной паритетности языка и мысли. Как удачно замечает американская исследовательница Лерита Коулман: «применительно к каждому конкретному индивидууму при функционировании языка имеет место своего рода проприоцептивная обратная связь наподобие той, что связывает информацию о работе лицевых мышц и информацию об эмоциональных состояниях человека». Иными словами, положительная эмоция вызывает улыбку, но и сама по себе улыбка вызывает положительную эмоцию. Так же с языком: тип упорядоченности опыта отражается в языке, который, в свою очередь, оказывает обратное влияние на способ концептуализации. Различение филогенетического и онтогенетического подходов необходимо, как кажется, и при определении природы значения вообще, природы значения как такового. Так, Анна Вежбицка дает блестящие толкования, например, цветообозначений, утверждая, в частности, что «зеленый» — это, огрубляя, цвет, который ассоциируется у человека с цветом влажной зелени (она так формулирует: «люди могут подумать о таких вещах, когда видят нечто зеленое»). Однако вызывает сомнение, что люди

действительно думают, даже потенциально (как говорит Вежбицка — «могут подумать») о листе, о траве о таких вещах всякий раз, когда они произносят или слышат слово «зеленый». На самом деле и здесь мы имеем дело с филогенетическим подходом: таково происхождение семантики слова зеленый. Это вполне правдоподобно. Но если мы обратимся к онтогенетическому подходу, или можно сказать к синхронному или индивидуальносинхронному подходу, то можно сказать очень просто — зеленый есть тот цвет, о котором говорят зеленый — и этим утверждением проблема исчерпывается. Здесь можно дополнительно отметить два пункта. Первый заключается в том, что семантика имен собственных, с этой точки зрения, не отличается радикально от семантики имен нарицательных. Мы безусловно правы, когда формулируем, что «X есть Джон, если и только если его зовут Джон». Аналогично, как, по существу, сказано выше, «X есть зеленый, если и только если о нем говорят зеленый». Отличие имен нарицательных, с этой точки зрения, заключается в том, что их семантика разложима в терминах семантических примитивов, если, конечно, эти имена сами по себе не отвечают семантическим примитивам (об этом понятии будет еще идти речь дальше). Последнее, применительно к именам нарицательным, в сущности, означает, что семантика нарицательных имен системна — то есть вопрос сводится к весьма тривиальному тезису.

Второй пункт заключается в том, что, как нетрудно видеть, семантическая формула, приведенная выше, формально воспроизводит условие истинности по Альфреду Тарскому и целому ряду других логиков, философов и семантиков. В этой традиции утверждается, например, что «трава зеленая» — истинно, если и только если трава зеленая. Но Тарский и другие пытаются «очистить» классическое определение Аристотеля от обращения к реальному миру, замкнув его рамками языка, что действительно правомерно: они хотят ввести в рамки культуры то, что на самом деле лежит на пересечении культуры и «натуры» (трава сама по себе — вне культуры, лишь ее концептуализация, в том числе в аспекте цвета, принадлежит культуре). В отличие от этого, квазитавтологическое определение семантики типа «X есть зеленый, если и только если о нем говорят зеленый — законно, поскольку оно прямо отражает конвенциональность и произвольность знака (в сосюровском смысле соответствующих терминов).

Что касается семантических примитивов, то можно утверждать (тоже не без оговорок, об этом будет сказано ниже), что они реальны как семантические универсалии или, может быть, почти — универсалии, но не лексические универсалии. Клифф Годдард и Анна Вежбицка в коллективной монографии, которая вышла под их редакцией в 1994 году, находят в разных языках «точные» лексические соответствия всем 37 элементам из своего универсального списка примитивов, обычно они извлекают эти значения из многих возможных для конкретных слов, но в этом случае они фактически не различают полисемию и омонимию, ведь только во втором случае, т.е. в случае омонимии, мы имеем право утверждать, что нашли отдельное слово для данного примитива, в первом же — перед нами одно из значений некоторого слова, сама полисемичность которого помещает его в другой «узел» системы, нежели искомый однозначный примитив. Фактически к этому выводу склоняется и Николас Эванс, один из соавторов коллективной монографии под редакцией Годдарда и Вежбицкой. Он, рассматривая материал языка каярдилд, пишет: «...Свидетельство языка каярдилд говорит о том, что все примитивы являются семантическими универсалиями, но некоторые из них не могут претендовать на лексическую универсальность».

Здесь хочется добавить несколько слов о самой категории семантических примитивов. Анна Вежбицка полагает, что примитивы, будучи в принципе неопределяемыми (что безусловно верно, иначе само понятие теряет смысл), обладают интуитивной «самопонятностью». Из этого должно следовать, что и конструкции (или конфигурации) примитивов носители языка с большей или меньшей легкостью отождествляют с теми лексемами, языковыми единицами, которым эти конструкции, эти конфигурации

соответствуют. Но, экспериментальная работа, проведенная нами совместно с Натальей Кулаковой, показала, что это не так. Носители русского языка в типичном случае не в состоянии отождествить наборы соответствующих примитивов с исходными лексемами. Это ставит под вопрос саму по себе категорию примитивов. По-видимому, мы имеем здесь дело с частным случаем недостаточности принципа редукционизма, который, как признает большинство историков философии, потерпел крах, когда его довели до своего логического завершения представители логического позитивизма.

Пожалуй, приходится констатировать, что проблема на сегодня не имеет окончательного решения. С одной стороны, в силу целого ряда причин, обсуждать которые здесь трудно, необходимо признать реальность примитивов как врожденных когнитивных категорий (скорее именно когнитивных, а не семантических), с другой стороны, остается неясным статус конфигураций, которые мы получаем, когда представляем значение лексем, словоформ, дериватов в качестве наборов примитивов.

С проблемой примитивов связана очевидным образом и проблема универсальности и идиоэтничности семантики, а отсюда и проблема взаимопонимания, в частности – переводимости. Можно сказать (и здесь, конечно, нет ничего радикально нового) что это всего лишь благородная иллюзия, полагать – что мы понимаем друг друга. Мы понимаем друг друга с точностью до поведенческого взаимодействия: некоммуницируемый остаток остается драматически неустрашимым. Это не отрицает положения о «психологическом (или ментальном) единстве человечества», но вводит его в определенные рамки.

Если полагать, что, как сказано, семантические (когнитивные) примитивы носят врожденный характер, то, они, конечно, универсальны по определению. Но когда, под влиянием данного языкового окружения, примитивы входят в те или иные конфигурации, они подвергаются определенной модификации. Это может служить частичным ответом (но всего лишь частичным) на вопрос, поставленный выше. Можно привести параллель из области фонологии. Применительно к фонологии тоже имеет смысл говорить о врожденных примитивах, прообразах дифференциальных признаков; однако конфигурации дифференциальных признаков, сопоставленные фонемам конкретных языков, уже не универсальны. Что еще более важно: меняется само содержание дифференциального признака, несмотря на их врожденность — в зависимости от контекста конкретных наборов дифференциальных признаков. Например, звонкость (сонанта) не эквивалентна звонкости шумного. Для сонанта в английском, русском, французском звонкость вообще не есть дифференциальный признак, а звонкость сонанта в языке, где есть глухие сонанты (например, язык ангами-нага), не эквивалентна звонкости в языке, где глухих сонантов нет.

От рассуждений о языке попытаемся перейти к рассуждениям о дискурсе. Конкретный язык как система содержательно интерпретированных оппозиций есть, как уже сказано в начале этой лекции, концентрированное выражение картины мира данного сообщества. Я не хотел бы специально обосновывать этот тезис, но есть много оснований полагать, что такой картине мира присущи основополагающие черты мифа, и в этом смысле язык (его семантика) есть первичный миф, структурирующий и объясняющий реальность одному ему присущим способом.

Ясно, что язык призван порождать тексты, или, иначе, обеспечивать дискурс. Дискурс тоже несет отпечаток культуры этноса, не во всем сводимый к закономерностям грамматики и лексикона данного языка (включая семантику и прагматику). В этой связи хотелось бы обратиться к феномену, который знаменитый американский лингвист Хомский назвал *pro-drop*. В тех языках, где это явление представлено (например, русском, итальянском, испанском и т.п.), мы говорим, скажем, «пою» или «canto», опуская местоимение, в данном случае первого лица единственного числа, а в английском, французском и многих других языках, употребление местоимения обязательно, опустить его практически нельзя.

Вполне понятно, что феномен опущения актантов, прежде всего личных местоимений, пытались объяснить их семантической избыточностью, когда лицо уже выражено глагольной формой, как в русском, испанском или итальянском языках. Однако это объяснение явно неудовлетворительно, если мы выйдем за пределы привычного круга языков и примем во внимание такие языки, как китайский, японский, тайский или бирманский, где полностью отсутствует глагольное согласование, но явление pro-drop выражено едва ли не в большей степени, нежели в указанных индоевропейских языках и целом ряде других.

Любопытно, что обычность нулевого дейксиса, как можно иначе назвать наиболее типичное проявление pro-drop, обычно сопровождается типичностью нулевой анафоры, т.е. опущением местоименных элементов, которые отсылают нас к какому-то слову антецеденту в предыдущем тексте. Нередко это наблюдается даже при смене темы в пространстве текста, когда новая тема формально вообще не вводится, а лишь «вычисляется» из контекста и фоновых знаний участниками коммуникативного акта.

Нами с нашими сотрудниками и аспирантами было проведено статистическое обследование текстов, преимущественно параллельных, на русском (Р), английском (А), испанском (И), древнекитайском (ДК) и старославянском (СС) языках. Целью, прежде всего, было определение ряда индексов: индекса дейктичности (число дейктических местоимений на предложение), индекса нулевой дейктичности (НД), анафоричности и нулевой анафоричности (НА). Не анализируя подробно, за недостатком места, полученные данные, отмечу лишь, что языки образуют упорядоченный континуум как по индексу нулевой дейктичности, так и по индексу нулевой анафоричности. При этом, во-первых, обе последовательности достаточно хорошо скоррелированы, а, во-вторых, они не зависят прямо от наличия/отсутствия глагольного согласования (см. рис.1).

НД: СС, И (.23) > Р (.05) > ДК (.04) > А (0) НА: ДК(.37) > И (.17) > СС, Р(.15) > А (.09)
Рис. 1 Ранжирование языков (текстов) по индексам нулевой дейктичности и нулевой анафоричности.

Что лежит в основе наблюдаемого явления? Можно полагать, что за данными характеристиками текстов стоят прежде всего культурные факторы, факторы, относящиеся к культуре, это – степень, так сказать, «выпяченности» Я, Эго. Существуют культуры с более выраженным акцентом на Я, их можно назвать – я-культуры (персоналистские культуры), и культуры с меньшим акцентом на Я – коллективистские или мы-культуры. Конфуцианскую китайскую культуру с ее уравнительными тенденциями и строго функциональным подходом к оценке личности (личность есть не более, чем социальная функция, «позиция» в социальном иерархическом устройстве) очень хорошо описывает высказывание современного китайского автора: «Понятие человека как самостоятельного деятеля в области, определяемой принципами морали, что выступает краеугольным камнем западной этической мысли, в конфуцианских этических размышлениях отсутствует. Человек как существо, обладающее свободой воли, не принимается во внимание. Такой подход не играет какой бы то ни было роли в понимании механизма социального взаимодействия. Причина существования человека как члена общества полностью определяется отношениями в соответствующем обществе, которые, в свою очередь, подчиняются Ли (поясню, что Ли – закон, гарантирующий должное функционирование как Космоса, так и общества, можно вспомнить понятие «рита» в ранних версиях индийского брахманизма). Человек как индивид вне сетки социальных и политических отношений нигде не фигурирует в конфуцианских этических представлениях».

Лишний раз подчеркну, что, когда мы говорим о я-культурах и мы-культурах, речь идет именно о континууме – о степени проявления соответствующих признаков. Человек как таковой начинается с того, что противопоставляет себя миру, человек, по словам Мартина Хайдеггера, «вброшен в мир» – в отличие от животного, которое «впущено в мир», животное не выделяет себя из мира, это что невозможно без самосознания, а животное не обладает самосознанием. Но у людей разных сообществ «степень конформизма» варьирует.

По-видимому, в сильнейшей степени развитию персоналистских / коллективистских тенденций способствует тип конфессии (христианство в целом поощряет персонализм, особенно явно это делает протестантизм), но я не хотел бы вдаваться в эту специфическую область.

Равным образом культурные импликации можно усматривать и в различии индексов нулевой анафоричности. Типичное отсутствие знака, эксплицитно отсылающего к антецеденту, характерно для обществ с высоким уровнем общности фоновых знаний, где, к тому же, обычны традиционные условия речевого контакта, когда описывается наличная ситуация. В этом случае мы, как правило, имеем дело с диалогом культурно близких индивидуумов, и дискурс строится, соответственно, именно по правилам диалога, а диалог представляет собой, так сказать, вторую стадию с точки зрения свернутости сообщения после внутренней речи. Эта тенденция в соответствующих культурах столь сильна, что даже формально монологические тексты обнаруживают существенные признаки диалога. Поэтому языки типа китайского уместно называть диалогоцентричными в отличие от языков монологичных. Здесь имеется в виду, прежде всего, степень проявленности соответствующих признаков, а не какая-то жесткая дихотомия — так или не так, да или нет. Используя термины Мак-Люэна, можно сказать, что высказывания на языках типа китайского являются «холодными»: их нужно «разогреть» путем помещения в контекст, чтобы они стали восприниматься адекватно. Высказывания же на языке наподобие русского, а еще более — английского выступают как относительно более «горячие», они в меньшей степени нуждаются в погружении в контекст «перед употреблением», являются в большей степени автосемантическими.

Текст, естественно, не только порождается, он равным образом предназначен для восприятия. В закономерностях восприятия мы также можем видеть культурнообусловленные различия. Начнем с самых простых. Существуют различия в среднем речевом темпе для ситуации данного коммуникативного типа у разных этноязыковых сообществ. Любопытно, что даже когда это сообщество использует один и тот же язык, даже и в этих случаях мы можем усмотреть различия в типичном темпе речи. Результаты наших неформальных экспериментов с восприятием французской речи французами и франкоговорящими швейцарцами показали, что один и тот же текст (в исполнении диктора-французского) вполне адекватно воспринимается аудиторами-французами, но заметно хуже — швейцарцами Лозанны (франкоязычного кантона), швейцарцы ценят темп как чересчур быстрый и вследствие этого трудный для понимания в данных экспериментальных условиях.

Более сложны и тонки различия, которые были обнаружены между восприятием текста русскими и франкоязычными швейцарцами в ходе экспериментов типа *close tests*. Эти эксперименты впервые были проведены, кажется, в 50-е гг. главным образом для оценки степени владения языком, изучаемым как неродной. В экспериментах в тексте удаляется каждое *n*-е слово (4-е, 6-е, 8-е) и испытуемым предлагается заполнить образовавшиеся лакуны. В наших экспериментах, в отличие от традиционных, присутствовали также версии со звучащим текстом, но анализ их результатов — предмет отдельного обсуждения. Испытуемым предлагались письменные параллельные тексты, в которых было удалено каждое 4-е слово. В число вариантов эксперимента входил и такой, где позиция удаленного слова не была обозначена (то есть не ставился прочерк) и испытуемым (было 10 человек русских и столько же швейцарцев) просто предлагалось внести необходимые дополнения в текст, чтобы сделать его связным.

Именно этот последний вариант эксперимента (с отсутствием прочерков) представляет сейчас для нас особый интерес. В предыдущих экспериментах наблюдалось, что для параллельных текстов степень трудности их восприятия при удалении одинакового числа слов и по одному и тому же принципу оказывается одной и той же. Однако наши данные не подтверждают этот тезис: результаты русских и швейцарских испытуемых существенно

отличались; вероятно, сказывалось то обстоятельство, что, в отличие от наших предшественников, мы вычеркивали в экспериментальных текстах не каждое 6-е или 8-е, а, как сказано, каждое 4-е слово. В особенности различия были заметными для текстов с не обозначенными местами пропусков. Так, процент правильного опознания (угадывания) слов, позиция которых не была отмечена в тексте, для русских испытуемых составил 46.8%, в то время как для швейцарских – всего 12.7%. Как можно видеть – различие очень большое. При этом русские испытуемые лишь в 25% случаев давали «отказы», т.е. просто оставляли экспериментальные бланки как они есть, то есть – испытывали непреодолимые трудности в приведении семантически дезорганизованных пассажей к некоторому связному виду. Для швейцарских же испытуемых этот показатель равнялся 46.1%. Опять-таки очень большая разница.

Как можно объяснить эти данные? Представляется, что объяснение должно учитывать как грамматико-типологические, так и культурологические факторы. Хорошо известно, что во французском языке существенно более жесткий порядок слов, нежели в русском. Более того, французский дискурс «славится» своей склонностью к высокой степени упорядоченности, формальной прозрачности и ясности. Все эти черты в среднем русском тексте выражены слабее. Отсюда легко представить себе, что структурно-семантическая дезорганизация французского текста, не дающая ключа (в виде указания на позиции пропущенных слов) к уяснению принципа дезорганизации, должна в большей степени мешать восприятию текста французскими испытуемыми по сравнению с русскими. Косвенным свидетельством реалистичности такого объяснения может служить и относительная легкость или сложность идентификации пропущенных глаголов-сказуемых. В текстах с указанием позиции пропущенного слова французские испытуемые правильно идентифицировали глаголы в 48% случаев, а русские — в 34%. Для текстов без указания позиции те же показатели составили 25% и 28% соответственно. Иначе говоря, для французских испытуемых указание на позицию, отвечающую структурной вершине предложения, которая как раз и представляла в глаголах-сказуемых, было гораздо более значимой подсказкой, чем для русских. Знание позиции, «пригодной» для глаголасказуемого, повышало шансы его восстановления в силу «пространственной» определенности этой позиции.

Вне всякого сомнения, в процессе восприятия речи «работают» как эвристические процедуры (преимущественно эвристические), так и алгоритмические, как процедуры принято говорить «снизу в верх», так и процедуры «сверху вниз». Но можно предположить, что существуют культурно-обусловленные различия в соотношении этих процедур: для носителей французского языка, вероятно, более существенны процедуры нисходящие — сверху вниз и процедуры алгоритмические, а для русских — восходящие и эвристические. Еще раз подчеркнем, что речь может идти только лишь о достаточно тонких различиях, обусловленных типологией языка и культурным типом дискурса. Было бы неоправданным экстремизмом утверждать, что носители разных языков (разных культур) используют абсолютно несходные стратегии в порождении и восприятии речи.

Литература

1. Bao, Zhiming. 1990. Language and world view in ancient China. *Philosophy East and West*. XL.2. 195-219.
2. Bybee, J.L. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
3. Coleman, Lerita M. 1988. Language and the evolution of identity and self-concept. - Frank S. Kessel (ed.). *The development of language and language researchers: Essays in honor of Roger Brown*. Hillsdale, NJ: Erlbaum. 319-338.
4. Fodor, Janet D. 1980a. *Semantics: Theories of meaning in generative grammar*. Camb. (Mass.): Harvard Univ. Press.
5. Fodor, Jerry A. 1980b. *The language of thought*. Camb., Mass.: Harvard Univ. Press.

6. Huang, Yang. 1994. The syntax and pragmatics of anaphora: A study with special reference to Chinese. Camb.: Camb. Univ. Press.
7. Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka (eds.). 1994. Semantic and Lexical Universals [Studies in Language Companion Series 25]. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Co.
8. Jackendoff, R. Patterns in the mind: Language and human nature. New York, 1994.
9. Kasevich, V.B. On Universal Grammar and cognitive primitives. - Becoming loquens: More studies in language origins. Frankfurt am Mein e.a., 2000.
10. Lumsden, C.J. & E.O. Wilson Genes, mind, and culture: The coevolutionary process. Camb., Mass., 1981.
11. Kasevich, V.B. & T.N.Nikitina, sous presse. Les aspects syntaxiques et culturels de la deixis et de l'anaphore.
12. Oiler, J.W. et al. (1972). Cloze tests in English, Thai, and Vietnamese. Native and nonnative performance. Language learning. 22.1.1-15.
13. Tay/or, N.L 1953. Cloze procedure: A new technique for measuring readability. Journalism Quaterly. 33. 48-58.
14. Wierzbicka, Anna. 1990. The meanings of color terms: semantics, culture, and cognition. Cognitive linguistics. 1.1. 99-150.
15. Венцов, А.В. & В.Б.Касевич. 1994. Проблемы восприятия речи. СПб.: Изд. СПбГУ.
16. Касевич, В.Б. 1996. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение».
17. Касевич, В. Б. Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса. «XVI Congres International des Linguistes. Seances plenières. Textes. Paris, 1997.
18. Касевич, В.Б. и др. 1990. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л.: Изд. ЛГУ.
19. Лоренц, К. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии . - Эволюция. Язык. Познание. М., 2000.
20. Мауро Т., дв. Введение в семантику. М., 2000.
21. Муковский, О.Л. 1996. Анафорические и дейктические характеристики текста (на материале английского, русского и испанского языков). Вестник СПбГУ. 1.2. 109113.
22. Сведенцова, Е.А. Дейксис и анафора в старославянском тексте в сравнении с русским (рукопись).
23. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии. М., 1960. 2
24. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. Т.2. М., 1967.
25. Хахлвег К., Уукер К. Эволюционная эпистемология и философия науки // Современная философия науки. М., 1996.

Текст 2. *С.М.Прохорова*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДИНАМИЧЕСКОГО МИРА

Язык отражает «картину мира» как в статике, так и в динамике. Динамика во всех грамматиках мира привычно и традиционно связывается прежде всего с глаголом. Оппозиция имя – глагол принимается во внимание всеми лингвистами, в том числе и представляющими научную парадигму, называемую в последнее время когнитивной лингвистикой. Когнитивисты изучают концептуализацию и категоризацию не только статического предметного мира, но и развивающегося динамического, изменяющегося во времени и пространстве. Таким образом, придается особое значение динамическому аспекту картины мира, находящегося в постоянном движении.

В частности, вьетнамский ученый Чан Ван Ко связывает глагол с движением, мужским началом «Ян», а имя - с женским началом «Инь» [1].

Динамический аспект картины мира находит отражение в работах А.В.Бондарко, Т.В.Булыгиной, Г.Х. фон Вригта, Г.Гийома, Е.С.Кубряковой, А.М.Ломова,

О.Н.Селиверстовой, Г.Г.Сильниченко, Л.Талми и др. Уже специфика глагольного значения, замечает, к примеру, Е.В.Петрухина, «заключается в концептуализации динамического мира, находящегося в постоянном изменении, для которого характерна известная неопределенность, отсутствие четких границ между смежными во времени ситуациями» [2].

Таким образом, ученые, занимающиеся проблемами глагола, считают, что динамика свойственна как лексической семантике глагола, так и формируется на системно-категориальном уровне; выявляется она и на уровне текста. В данной статье хотелось бы обратить внимание ещё на несколько моментов – концептуализацию имени – сложного понятия с помощью концептуальных глаголов (синтагматика), а также концептуализацию внутри вертикальных синтаксических полей глаголов, отражающую динамику развития (парадигматика).

На синтагматическом уровне преимущественно в основном значении в глаголе заключена характеристика универсальных концептов, связанных с человеком, живыми существами и предметами в силу того, что глагол является свернутой пропозицией. Для примера обратимся к глаголам движения, которые четко «отвечают на вопрос», кто *идет - ходит, ползет - ползает, плывет - плавает, летит - летает* и т.д. Характеристика усложняется при метафоризации, а также при расширении актантной рамки.

Приведем пример со статическим глаголом *лежать*: *Петя целыми днями лежит на диване* – выявляется концепт «человек-ленивый» либо концептуализируется ситуация «человек, не имеющий постоянных занятий, а в связи с этим потерявший интерес к жизни»; *Петя сегодня целый день лежит в постели* - концепт «человек-больной», при этом языковой знак *постель* выступает во фразеологически связанном значении. Для доказательства приведем пример с динамическим глаголом: *Петя уже встает с постели*, т.е. поправляется. Таким образом, в зеркале языкового знака *постель* в актантной рамке в русском языке с помощью статических / динамических глаголов реализуется оппозиция "болезнь - выздоровление".

Как видим, человека прежде всего характеризуют концептуальные глаголы, ибо человек познается по делам его.

Понятие *человек* является одним из наиболее сложных понятий. В последнее время когнитивная лингвистика стремится наиболее адекватно описать это сложнейшее понятие, включая входящие в него концепты, концептуальные (базовые) метафоры, основные личные имена и т.п.

Такие ипостаси человека, как *homo sapiens, homo faber* «человек создающий», *homo ludens* «человек играющий» и др., являются универсальными концептами. Универсальные концепты, относящиеся к человеку, как бы заключены в определенных глаголах как свернутых пропозициях в их основном значении.

Универсальному концепту *homo sapiens* прежде всего соответствует общеславянский глагол *думать*, являющийся семантическим примитивом (термин А.Вежибицкой). В то же время концепт *homo sapiens* семантически неоднороден. В его составе может быть выделен «человек грамотный», «человек понимающий», «человек знающий» и др.

Нами подробно описан универсальный концепт «человек грамотный» [3]. Образ «человека грамотного» напрямую связан с актантными рамками глаголов *писать - читать*, ибо в качестве первого актанта при них выступает не просто человек, а человек грамотный, являющийся одной из ипостасей *homo sapiens*, а также «человека создающего», дополняет образ «человека культуры» [4].

Чтобы получить разного рода информацию для собственного развития, человеку необходимо уметь *читать* 'воспроизводить написанное вслух или про себя'. Чтобы передать информацию или поделиться собственным опытом, необходимо уметь *писать* 'изображать на бумаге или ином материале буквы, цифры или другие знаки с помощью орудия для письма'. В свою очередь, чтобы *писать* и *читать*, необходимо *знать* (семантический

примитив, по А.Вежбицкой) буквы, цифры и определенные знаки, что объединяет пропозиции двух глаголов, включая их в поле глаголов интеллектуальной деятельности.

При глаголе *читать* выступают маркеры *про себя, вслух*. Маркер *вслух* включает глагол еще и в поле звучания. Глагол *писать* принадлежит одновременно нескольким семантическим полям – глаголам интеллектуальной деятельности и моторным. Этот глагол является более семантически сложным, что находит выражение в его основной актантной рамке, получающей факультативные распространители *ручкой, карандашом, фломастером* (чем? каким орудием?) и *на бумаге, в блокноте, мелом на доске* и т.д.

Чтению и письму человек должен обучиться, поэтому при глаголах выступают маркеры *уже / еще не: Ребенок уже читает / пишет; еще не читает*. Конструкции с указанными маркерами характеризуют определенный этап в развитии человека. Ситуация, когда человек *читает*, но не *пишет*, свидетельствует, что человек полуграмотен.

Концепт «грамотный человек» как ипостась *homo sapiens* является, как уже указывалось, универсальным концептом. Глаголы *писать - читать*, характеризующие «человека грамотного», в силу тесной связи с *homo sapiens* могут распространяться делиберативным объектом, функционируя как глаголы интеллектуальной деятельности: *писал / читал о поездке к морю*. Оба глагола могут получать значения передачи информации, распространяясь при этом A_{III} (дат.пад.): *Писать письмо матери, Читать матери книгу*.

На синтагматическом уровне в разных языках глаголы, соответствующие русским *читать и писать*, характеризуют человека грамотного. Во всех славянских языках в этом случае функционируют названные общеславянские глаголы. Национальное своеобразие проявляется в некоторых, чаще незначительных, различиях. В соответствии с русским маркером *вслух* в польском языке, к примеру, выступает маркер *na głos*. Отмечаются и более значительные различия, касающиеся определенных этапов развития человека. К примеру, русскому *читать по складам* в болгарском соответствует отдельный глагол *сричам*. И только в том случае, когда человек освоил процесс чтения в полном объеме, болгарин скажет, что он *чета*.

Более четко национальное своеобразие выявляется в вертикальных синтаксических полях.

Под вертикальными синтаксическими полями мы понимаем возможность глаголов передвигаться по актантным рамкам, осуществляя таким образом неавтономную вторичную номинацию [5]. При этом происходит как бы пересечение пропозиций разных глаголов, точнее их частичное семантическое наложение.

В парадигматике вертикальные синтаксические поля глаголов *читать и писать* концептуализируют в динамике возможность превращения «человека грамотного» в «человека творческого», «человека созидającego», «человека-творца», т.е. глаголы начинают концептуализировать в некоторых текстах не только *homo sapiens*, но и *homo faber*.

Общеславянский глагол *читать* имеет в русском языке глубокое вертикальное синтаксическое поле. Имея второй актант (*читать книгу, рассказ, поэму, диссертацию* и т.д.), глагол получает сему 'сотворчество', обозначая ситуацию, при которой человек может созидать самого себя, приобретая опыт, опираясь на результаты интеллектуальной и творческой деятельности других людей. При этом возможно семантическое стяжение: *Он постоянно хочет / должен читать*. В этом случае мы говорим о стремлении повышать свой уровень, созидать себя.

Глагол *читать* в русском языке при изменении A_{II} может выражать оценку творческих способностей человека: *читать мысли* (оценивается высочайший уровень развития человека), *читать чертежи, ноты* (оценивается профессиональный уровень), *читать на трех языках* (оценивается образованность) и т.д. Можно даже *читать молитву* (общение с Богом). Такие значения развили далеко не все славянские языки.

Конструкции *читать в университете, читать лекции / курс лекций* и т.д. выражают оценку уровня преподавания. Такое употребление глаголов во многих славянских языках невозможно, как и *читать стихи, рассказ с эстрады*.

Глагол *писать* также получает возможность характеризовать homo faber. «человека создающего». Он может в зависимости от второго актанта получить значение 'сочинять, создавать словесное произведение': *писать рассказ, поэму, сочинение, диссертацию, дипломную работу*. В результате семантического стяжения (закон Бреалья) возможно *он хочет писать*, т.е. *стать писателем* - концепт "человек-творец", владеющий языком "возможных миров".

Глагол *писать* этимологи относят к общеславянским индоевропейского характера, предполагают, что его первоначальное значение могло быть 'пестрить, украшать' [6]. Латинский *pingere* имеет значение 'рисовать'. Это значение сохранил и русский глагол *писать*.

Следует отметить, что для русского языка характерно пересечение пропозиций глагола *писать* и заимствованного из польского языка глагола *рисовать*. С одной стороны, *писать картину (маслом, акварелью)*, с другой стороны: ты *рисуешь* жизнь красивой (синоним *описываешь*). Из-за пересечения пропозиций глаголов *писать* - *рисовать* последний в русском языке может переходить в поле глаголов интеллектуальной деятельности *рисовать в воображении*.

В результате глагол *писать* в русском языке получает сему высокого творчества - *писать музыку, симфонию, стихи, повесть, картины*. Даже близкородственному белорусскому языку это не свойственно.

В белорусском языке глагол *пісаць* также получает сему высокого творчества, но оно связано либо со словом, либо с музыкой – это буквы, ноты – то, что в результате может звучать. Белорус не связывает ситуацию, обозначенную глаголом *пісаць*, с красками и, как результат, со зрительным восприятием. Красками можно *маляваць*. Такая же ситуация и в других славянских языках, в отличие от русского.

Если обратиться к «человеку знающему», который в результате своей интеллектуальной деятельности имеет определенные сведения о чем- / ком- либо, то такого человека в русском языке характеризует общеславянский глагол *знать*, а в белорусском - *ведаць*. Последний в русском языке развил отличное от белорусского вертикальное синтаксическое поле, в одних случаях являясь устаревшим синонимом глагола *знать*, а в других – синонимом глаголов *заведовать, управлять, распоряжаться*. Это вертикальное синтаксическое поле отражает динамический концепт: «человек, более знающий, может стать руководителем менее знающего». Перейдя на периферию семантического поля управления, русский глагол *ведать* получил возможность выступать в конструкции *ведать чем*.

В значении 'иметь сведения о чем-н., ком-н.' русский *знать* и белорусский *ведаць* являются семантически примитивами. У них очень похожие, но не в полной мере совпадающие периферийные семантические поля.

В очень древнем значении 'отличать от других' в русском и белорусском языках выступает один глагол *знать, знаць*. В русском языке при глаголе возможен маркер *в лицо*. В обоих языках в качестве субъекта может выступать в этом случае как человек, так и животное - *собака знает своего хозяина*.

Расхождения в вертикальных синтаксических полях отражают тончайшие различия в языковой и концептуальной картинах мира даже близкородственных языков.

Литература

1. Чан Ван Ко. Восточный взгляд на русскую грамматику // VIII Международный конгресс МАПРЯЛ. Русский язык и литература в современном диалоге культур. Тезисы докладов. – Регенсбург, 1994.
2. Петрухина Е.В. Глагольная номинация и категории деривационной ономазиологии // Языковая номинация. Тезисы докладов Международной научной конференции. – Минск., 1996, с. 17.

3. Прохорова С.М. Концептуальные русские глаголы, характеризующие образ "человека грамотного" // Разноуровневые характеристики лексических единиц. Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Смоленск, 1997.
4. Кругликов В.А. Образ "человека культуры". - М., 1988.
5. Прохорова С.М. Проблемы глагольной номинации // Языковая номинация. Тезисы докладов Международной научной конференции. - Мн., 1996.
6. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. - М., 1961, с. 250.

Текст 3. *Ж. Вардзелашивили*

НАНОМАСШТАБНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Поиск предельных составляющих человеческого высказывания может осуществляться в двух направлениях. Первый подход, достаточно разработанный (во всяком случае на теоретическом уровне), состоит в семантической репрезентации – посредством семантического метаязыка – сложных смыслов, их расщеплении на столь мелкие фрагменты, которые уже не могут быть подвержены дальнейшему разложению. Это есть попытка «сделать репрезентацию значений одновременно их толкованием» (1, 243). Такая минимизация значений позволяет также описать и отношения, скрепляющие компоненты различных выражений. Главная задача данного направления – отыскание в качестве толкования смыслов неопределяемых элементов, которые и есть тот строительный материал, из которого выстраиваются все человеческие высказывания. Иначе говоря, «цель состоит в поиске таких выражений естественного языка, которые сами по себе не могут быть истолкованы удовлетворительным образом, но с помощью которых можно истолковать все прочие выражения» (1,252).

Другой подход, также достаточно разработанный в семантической науке, состоит в компонентном анализе самого слова или составляющих словоформы, анализ коннотаций слова, его потенциальных смысловыразительных возможностей. Несмотря на то, что компонентный анализ слова как на уровне прямого, так и переносного значения, признан одним из наиболее универсальных способов лингвистического исследования (2), в известных контекстах слово может порождать такие смыслы, которые в ряде случаев остаются за пределами возможностей данного метода. Литература потока сознания, литература постмодернизма и гипертекстов, как, собственно говоря, любой смыслонасыщенный художественный текст, открытый к толкованию, будь то «Книга Екклесиаста», «Книга Притчей Соломоновых», предполагают множество вариантов прочтения и вскрытия таких смыслов, объяснение которым мы находим уже не на уровне известных узусу возможностей слов, а в собственной культурной памяти, в подсознательном слое психики. «В любом художественном тексте встречаются слова, несущие дополнительную смысловую нагрузку, окруженные особым коннотативным ореолом и нередко получающие символическую функцию. Чем объяснить их отмеченность? Причины могут быть самые разные. Их часто видят в сохранившихся в подсознательном слое психике архетипах, в архаичных схемах мифологического мышления (Топоров 1995; Топоров 1997), в культурных или библейских ассоциациях, ритуале или обряде – концептосфере (по терминологии Д.С. Лихачева (Лихачев 1993)), семиосфере (в терминах Ю. М. Лотмана (Лотман 1992)), в личном опыте автора, иногда в самом звучании или созвучности слов» (3, 525). Нам представляется, что «отмеченность» некоторых слов, а порой и всего микротекста, объясняется допущением, что помимо сем, поддающихся анализу на уровне компонентного исследования структуры лексического значения слова, в коннотации слова можно выделить мельчайшие частицы смыслов, заряженные очень мощной энергетикой, способной «вытолкнуть» данный смысл из глубинных пластов нашего подсознания и архепамяти. Эти мельчайшие смыслы-атомы

находятся в постоянной диффузии и обладают способностью к сцеплению с другими, масштабно себе подобными, микроэлементами смысла. Это ведет к трансформации в смысловой структуре слова. В ней происходит процесс, напоминающий химическую реакцию, результатом которой может становиться «выброс» на поверхность нового/неожиданного смысла-символа.

Мы говорим здесь о смыслах, которые не материализуются на уровне привычного декодирования слова. Это – и не вторичная номинация, не переносное значение слова в их классическом хрестоматийном понимании. Но это нечто, что витает в наших ощущениях, как некий дополнительный смысл, как созначение, сотканное из ощущений, и реализующееся при качественно ином культурном понимании возможностей референта. Мы имеем в виду смыслы, остающиеся вне компонентного анализа слова, а порой и за пределами декодирования вообще, если имеет место несовпадение аксиологической шкалы, просвещенности, культурного опыта адресанта и адресата. И, тем не менее, эти смыслы присутствуют в коннотации слова, порождают эмоциональные ощущения, причем, не только от сюжета, но и от слов, которыми этот сюжет рассказан. Это своеобразное «послевкусие» слова, и ингредиенты, составляющие именно этот аромат и есть мельчайшие частицы смысла, до которых не расщепляется слово при компонентном анализе. Однако их наличие ощутимо, а изучение есть все тот же поиск предельных составляющих мира, поиск элементов человеческой мысли, не прекращающийся со времен Паскаля и Лейбница. Отсутствие исследований по данному вопросу связано, на наш взгляд, с тем, что:

- а) искомые элементы смысла ничтожно малы;
- б) наука вообще до недавних пор не обращалась к исследованиям на столь минимальном уровне, соответственно, нет инструментария и методики работы с подобным материалом;
- в) их препарация есть вопрос, находящийся на стыке проблем языка, литературоведения, психологии.

Смысл, создаваемый за счет движения в коннотации слова мельчайших энергетически заряженных частиц смысла, может создать при константе значения, зафиксированного посредством компонентного анализа, новое созначение. Это будет еще одна ипостась слова, возможно, элитарная.

Образующиеся лакуны в анализе значений и созначений слова нуждаются в заполнении, и в качестве дополнения к компонентному анализу слова мы предлагаем наномасштабное исследование лексического материала.

Nannos (греч. *наннык*) – первая часть сложных слов, обозначающих процессы, происходящие на атомно-молекулярном уровне. Широкое распространение получили в последнее десятилетие наномасштабные технологии, без преувеличения, совершившие революцию в сфере технологических возможностей человечества. Оперирование столь минимальными элементами открывает новые возможности, грандиозным подтверждением чего стали достижения, в частности, в области физики.

Отталкиваясь от идеи о наномасштабном исследовании, развитом в физике и понимаемом как поатомно-молекулярный анализ структуры, на который уже не распространяются каноны классической физики, мы полагаем, что возможно говорить о семантике наносмыслов, как о ресурсном потенциале слова, исследование которого требует иного, «микрохирургического», инструментария.

Первым шагом на пути наномасштабного семантического анализа лексических единиц является определение базового уровня, определение реалий, подвергающихся исследованию. Следовательно, первостепенная задача есть фиксация наносмыслов в тексте. Само понятие «текст» – предмет дискуссионный. Воспользуемся определением И.Р.Гальперина: текст есть «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом данного документа» (4,18).

Наиболее ярким полотном, репрезентирующим наносмыслы, является художественный текст. Именно он создает пространство для движения энергетически заряженных мельчайших частиц смысла. Логика нашего исследования требует отграничить понятия микротекст и макротекст. «Под микротекстом понимается любой обладающий внутренней завершенностью отрывок цельного литературного произведения... Под макротекстом понимается совокупность объединенных общим эстетико-философским содержанием текстов определенного автора (цикл стихотворений, поэтический сборник, книга рассказов, а в отдельных случаях весь корпус текстов данного автора). Наконец, особое значение... имеет понятие интертекст, т. е. «совокупность всех возможных интерпретаций аллюзий и параллелей, имплицитно содержащихся в данном тексте» (5, 564). Для иллюстрации наших рассуждений обратимся к языку эссеистики одного из крупнейших русских поэтов XX века Иосифа Бродского. Сам жанр эссе задает эстетику и тональность языка, а мастерство мэтра возводит их до уровня философских и психологических этюдов. С другой стороны, многие из эссе И. Бродского автобиографичны, это история жизни автора, его встреч, литературных привязанностей, это, наконец, своеобразная шкала его личностной аксиологии. Для понимания языка автора такого ранга, каким является И. Бродский, эссе неотделимы от его поэтического наследия, и в единстве они составляют макротекст, о котором мы говорили выше. Без макротекста отдельные образы, созданные поэтом, остаются за пределом декодирования. Макротекст, в свою очередь, обеспечивает существование виртуального интертекста И.Бродского.

Название одного из сборников эссе – «Поклониться тени». В название сборника вынесена классическая модель метафоры. «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова 2000 года дает девять дефиниций слова *тень* и четыре слова *поклониться*:

ТЕНЬ: 1. Темное отражение на чем-л., отбрасываемое предметом, *освещенным с противоположной стороны*. | О том, кто постоянно бывает с кем-л., всюду следует за ним. 2. Пространство, защищенное чем-л. от лучей солнца | Плохо освещенное место. 3. Места на рисунке, картине, изображающие наименее освещенные участки. 4. Место на лице, выделяющееся более темным оттенком. 5. Косметическое средство. 6. Отражение внутреннего состояния. 7. Малейший признак. 8. Неясные в темноте очертания фигуры. 9. Дух умершего или отсутствующего человека являющийся, по суеверным представлениям, кому-л. ПОКЛОНИТЬСЯ: 1. Сделать поклон (поклоны) кому-л. в знак приветствия, почтения, благодарности. 2. Словесно или письменно через кого-л. засвидетельствовать свое уважение, внимание. 3. Обратиться с просьбой, униженно просить о чем-л. 4. Придя к священному месту, выразить свое благоговение.

Курсивом мы отметили в словарных дефинициях те составляющие значений, которые становятся импульсом к преобразованию в значениях слов. В результате: *поклониться тени* = *отдать дань уважения чему-то/кому-л. несуществующему*. Однако макротекстуальный анализ творчества И. Бродского дает нам прочтение, которое сплетает ткань интертекста, образуемую движением смыслоемких, энергетически заряженных частиц – наносмыслов. Так, в дефиниции к слову *тень* находим *освещенным с противоположной стороны*, подставляем из макротекста: Бродский живет в Америке, родители остались в России. Другая противоположность: родители, к которым обращены воспоминания, умерли, Бродский жив, противопоставление жизнь – смерть; «плохо освещенное место» – никто не знает о том месте, куда уходят мертвые. «Места на рисунке, картине, изображающие наименее освещенные участки»: рисунок, картина, творчество для Бродского священны; священность творчества – сакральность – икона – алтарь, катарзис, поклониться иконе, алтарю. «Отражение внутреннего состояния»: неизбывная боль от невозможности попрощаться с родителями. «Неясные в темноте очертания фигуры»: темнота – память, расплывшиеся образы воспоминаний. «Дух умершего» – мифологизированная, библейская память. Поклониться –

«сделать поклон в знак... почтения», «письменно засвидетельствовать... уважение» (эссе – письменный поклон, письменный знак благодарности и почтения родителям), «придя к священному месту, выразить свое благоговение» (творчество – священно, память – священна, место, где за чертой начинается противоположность, где кончается жизнь и начинается царство теней, где теперь родители, священно).

Выступая в роли препаратора прекрасного, мы находим рассудочные импульсы, приводящие в движение процессы на наномасштабном уровне в коннотациях слов, в нашей культурной памяти и психике. Наносмыслы, мельчайший пласт структуры слова, максимально связанный с контекстом, макро- и микротекстом, образуют, в свою очередь, интертекст. Они обладают мощнейшей энергетикой, приводящей в движение семные потоки как внутри слова, так и в коннотации (Здесь мы не вступаем в дискуссию относительно соположения поля и коннотации). Очевидно, что наносмыслы связаны с полем посредством контекстуальных сем. Наномасштабное исследование составляющих смысла есть путь от макросистемы к микросистеме.

Наносмыслы, а возможно и наносемы, следует, по всей видимости понимать как новую реалию, представляющую собой мельчайшую, но еще одну ипостась слова, и обладающую столь мощной энергетикой смысла, которая способна «взорвать» семантическое поле потоком абсолютно неожиданных наносмыслов. Результатом энергетического взрыва смысла на наномасштабном уровне являются образующиеся «смысловые воронки», ловушки, втягивающие в своеобразную словесную игру адресанта и адресата.

Литература

1. Вежбицка А.. Семантические примитивы // Семиотика. М., 2001.
2. Ахманова О. С., Мельчук И. А., Глушко М. М. и др. Основы компонентного анализа. М., 1969.
3. Арутюнова Н. Д. Символика уединения и единения в текстах Достоевского // Язык и культура. Факты и ценности. М., 2001.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
5. Тростников М В. Перевод и интертекст с точки зрения поэтологии // Семиотика. М., 2001.
6. Бродский И. Поклониться тени. С.-Пб., 2000.
7. Большой толковый словарь русского языка. С.-Пб., 2000.

Текст 4. Т. Григорьев

ЧТО ЕСТЬ КРАСОТА?

Не сообразуйтесь с веком сим,
но преобразуйтесь обновлением ума вашего.

Рим 12, 2

Знай, что мы целого человека лишены.

Сковорода

Сказано: не упоминай имя Божье всуе, и то же о Красоте. Слова стираются от безудержного употребления, не питают более душу. Так и с мудростью. Слова Достоевского – «мир спасет красота» – могут прогореть, как фейерверк, не оставив следа. Есть глубинный смысл во взгляде Лаоцзы: «Кто говорит, не знает. Кто знает, тот не говорит». Кто говорит, задумывается ли над тем, что говорит? Какая именно красота спасет мир? Инстинктом ощущая Истину, устраиваем тем не менее под этим девизом конкурсы красоты, и люди теряют веру в ту Красоту, которая спасет мир. Знаем ли, что есть Красота, не следуем ли обману, забывая, что наши вкусы не безупречны... зависимы от пространства и времени? Красота для нас то, что радует глаз, но то ли видит глаз? Для одного – красиво, для другого – нет. У каждого народа свое понимание красоты, у каждого времени свои критерии прекрасного, то, что нравилось древнему греку, может не нравиться современному европейцу, хотя европейская культура выросла из греческой, но в наше время он ищет иного идеала. Современнику с развитым вкусом нравятся предметы старины, старинные храмы. Не

потому ли, что они ближе красоте истинной, первоизданной? Словом, кто усомнится, что видимая красота относительна. По крайней мере, сколько уж веков поклоняется человек красоте, а Спасение не приходит. Может быть, потому, что зависимая от чего-то красота не есть истинная Красота, ибо Истина это то, что ни от чего не зависит, – безусловное, верное для всех и на все времена.

Но «что есть Истина?» – спросите вы вслед за Пилатом, хотя много веков миновало и приблизился «конец времен». И время кончается по-разному: либо выводит к вечности, либо предаёт полному забвению. Прерывается связь времен, когда прерывается связь Земли и Неба, человека с Духом, – ничто уже не удерживает его от падения в Тартар. Таков закон Целого: всякая односторонность рано или поздно саморазрушается. «Всякая неупорядоченная душа, – по Августину, – сама в себе несет свое наказание» (Исповедь 1, 12, 19)¹. Отказавшись от Неба, от божественного предназначения, от жизни в духе, что делает человека своим в доме Бытия, человек неизбежно впадает в универсальный нигилизм. Ничего святого – значит все дозволено. В этом психологическая предпосылка всех бед XX века. Все перевернулось вверх дном, все ценности. Вторичное затмило первичное, видимое заставило забыть о невидимом, малое вытеснило большое, часть – целое. Но, говоря словами Блаженного Августина, «всякая часть, которая не согласуется с целым, безобразна».

Отпавшее от Бытия существование не может быть прекрасным и возбуждать любовь к Красоте, к красоте человека прежде всего. «Каков человек, таков и мир, и каков мир, таков и человек: один акт создает обоих»¹. У ничтожного человека ничтожная мера. Чем мельче человек, тем мельче масштаб его измерений, тем более он дробит действительность, выдавая свой частный интерес за всеобщий. Мелкомасштабное сознание уменьшает все, с чем ни имеет дело, пока вовсе не сводит на нет. Дробится человек, дробится время, и кажется, остановились биологические часы, крутятся лишь секундная стрелка. Частичный, утративший ценность человек теряет мерило прекрасного, ибо Красота есть Целое. Теряя мерило прекрасного, становится Разрушителем. Человек-часть, человек-функция ко всему относится функционально, во всем видит средство для удовлетворения своей потребности, ни в чем не видит цели, потому что лишен чувства Целого. Но часть, не согласующаяся с целым, «безобразна». Некрасота души ведет к Некрасоте поступков. Просто диву даешься, как эти люди, с усеченным сознанием, выбирают для разрушения самые красивые места; разрушают именно то, где обитает Красота, будь это древние храмы, или озера, или Катунь. Наверное, когда-нибудь физиологи и психологи займутся этой проблемой: что-то нарушено в сознании и психике, что мешает этой категории людей сосуществовать с Красотой, жить по законам Бытия. Не потому ли избегают Красоты, что она излучает Свет? «Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (Ин 3, 19–21). Дух Святой, говорят богословы, и есть Красота, источник Красоты, все собою украшающий.

Но пока что гибнут леса и озера. Одномерное мышление ведет к распаду всех связей, все перевернулось вверх дном. «Логика без нравственности превращается в логику безнравственности; психология без нравственности — в психологию безнравственности, а свобода без нравственности — в свободу безнравственности»¹. Потому и гибнут озера, а вместе с ними и человек.

Осенью 1990 г. мне пришлось побывать на Байкале, участвовать в Советско-Американском театральном-экологическом фестивале-конференции, которая так и

¹ Исповедь Блаженного Августина // Богословские труды. – Сб. 19. – М., 1987. – С. 71–264.

¹ Гегель. Работы разных лет. – В 2 т. – М., 1970. – Т. 1. – С. 385.

¹ Свешников Владислав. «Боже мой, никому не стыдно!» / ЛГ. – 1990. – № 40.

называлась: «Спасем озера Байкал — Мичиган!» И родились размышления. Почему же все, вроде бы, понимают, что нужно спасать природу, что конец природы есть конец человека, а она не спасается? Может быть, потому, что и «природу» мы умаляем (потому и пишем с маленькой буквы), не отдавая себе отчета в том, что она есть все, Целое? Произносились пламенные речи, ученые ратовали за юридические законы, технологические, экономические меры. Но решения принимаются, а дело не делается. Это уже стало трюизмом. В чем же причина? Почему слова не действуют, утратили силу? Наверное, и слова выпали из Бытия: они как бы сами по себе, а Бытие само по себе. Перевернутый человек уже привык делать не то, что говорит, а говорить не то, что думает.

[...] Ничто в этой жизни не остается без ответа, это только кажется, что что-то может пройти бесследно, не заденет тебя. [...] «Ведь существует единственная мудрость,— известно уже Гераклиту,— познать замысел, устроивший все через все», но «большинство не понимает, с чем имеет дело», «и самый вдумчивый познает только кажущееся и лелеет его».

Прошло с тех пор два с половиной тысячелетия, а люди, похоже, мало изменились. Значит, сам человек, или его неразвитое сознание, враг своему счастью! Как думаем, так и делаем, как делаем, так и живем. Человек, и в самом деле, есть мера вещей: по мере и воздается. Если плохо живем, значит, плохо соображаем. При открытии конференции я сказала: «не очистятся озера, пока не очистится наше сознание». Состояние природы есть зеркало души, а «всякая неупорядоченная душа сама в себе несет свое наказание». Очистится душа, очистятся озера, не очистится душа, не очистятся озера. Здесь связь обоюдная, глубинная, настолько глубинная, что и вообразить трудно [...]

Или Плотин: «мир покоится в «мировой Душе», как невод в воде, и как невод пропитан водой, так и мир проникнут Душой во всех частях своих». А древнерусский богослов Иосиф Волоцкий сравнивал воду с мыслью человека. Значит, загрязняя воду, мы загрязняем собственную душу. В буддийской сутре «Вималакирти» сказано: «Если ум чист, то и все чисто; если ум не чист, то и все нечисто».

На мои слова кто-то тихо возразил: «философией не очистишь озера». В том-то и дело, что очистишь. Именно нравственной философии, философского осмысления не хватает, чтобы понять происходящее, а без понимания так все и будет рушиться, если заниматься следствиями вместо причин. Эти следствия будут лишь возрастать в геометрической прогрессии. Буддисты недаром видят корень зла в неведении (*санск.* авидья), в непонимании законов Бытия.

Знающий не совершит зла, очищенный ум не засоряет природу, среду обитания. И в этом смысле — мир есть Сознание, все зависит от Разума, который только и позволит вырваться из круга противоречий — дурной бесконечности.

А что такое Разум? Говорят о новом мышлении, но часто ли задумываются, в чем его суть? А если и в самом деле от того, научимся ли мы думать по-новому, зависит жизнь на Земле, как о том более трех десятилетий назад предрекли ученые в известном Манифесте Рассела — Эйнштейна? [...]

С тех пор как отпал человек от Целого, отпал от Неба, возомнив себя всемогущим, и притянулся к Земле, утратил он опору в Бытии, ибо нет Земли без Неба, как нет тела без души. (Разные учения трактуют этот разрыв, это «грехопадение» по-разному, но суть одна: утративший ощущение Целого теряет ощущение Истины, ибо Целое и есть Истина.) С тех пор расширялась трещина между человеком и Природой, рассекая его душу. Раздвоенный человек, раздвоенное, одномерное сознание привело к одномерному существованию [...].

При таком взгляде — «или то, или это» — страдают обе стороны, ибо по закону Целого одного нет без другого, и разум так же нужен чувству, как чувство разуму. Нет Земли без Неба, как нет материи без духа, материя саморазрушается при участии бездуховного человека. Сказано: «Душа, которая поворачивается к материи, страдает и нищенствует, лишается своей силы. Но если она вернется к Разуму, она получит полноту и обретет вновь

свою целостность» (Парфиров. Начала. 37, 32). Чем больше притягивался человек к вещному, земному, тем более дробилось его сознание, а чем более дробилось сознание, тем более он терял способность ориентироваться в этом мире[...].

Зацикленность на земном, неоощущение небесного плана, высшего смысла Бытия или крайний рационализм, [...] ведет к [...] универсальному нигилизму, к превращению всего в ничто, не-бытие (меон), толкает человечество к неминуемой гибели. Отпадение от Бытия, пренебрежение его законами, есть смерть души, царство «мертвых душ», когда человек только с виду человек, а в существе его не осталось ничего человеческого. [...] Но конец истории сулит небывалые страдания [...]

Дуализм мышления – разъятие небесного и земного, духа и тела, человека и природы; сам принцип мышления – «или то, или это» явился причиной всеобщего распада, прежде всего распада самого человека. Процесс материализации, овеществления сущего, принял в начале века угрожающие размеры. [...] «...Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя»².

И вековая культура, которая не давала человеку погибнуть в самые страшные времена, начинает дробиться, вырождаться, когда теряет связь с Высшей Реальностью. Человеку не остается ничего другого, как подняться до Бога или пасть до зверя.

Эволюцию, однако, невозможно остановить ни невежеством, ни танками, но можно выпасть из ее орбиты. Эволюция идет своим чередом, на смену одной фазе приходит другая, и процесс этот не зависит напрямую от воли человека, но последний может сопутствовать или не сопутствовать движению времен. В последнем случае ничего хорошего его не ждет. Каждая фаза Эволюции находит свою Форму, и крушение старой Формы, – чему мы свидетели, – предвещает новую эру, рождение Нового человека. В старческом организме нарушается энергетический обмен, энергия уже не может циркулировать равномерно, ее скопление, закупорка вызывает судороги социального организма, массовые психозы. Национальные распри – следствие социальной аритмии. Знанием свойств космической энергии владели древние, скажем, даос Чжуан-цзы (IV в. до н. э.): «Соберется энергия (ци), образуется жизнь, рассеется – образуется смерть... Говорят: "Единое ци пронизывает Вселенную, потому и мудрый ценит Единое"». Если нарушить циркуляцию ци между Небом и Землей или органами человека, то наступит смерть. [...]

Запрограммированное на Борьбу (со времен древних греков), на «закон исключенного третьего» («или то, или это – третьего не дано») сознание порождало идею: чужое подлежит истреблению как ересь. Дело, естественно, не в религии, а в ее защитниках, которые готовы положить за нее голову, вместо того чтобы прояснить ее. Ни одна религия не учит плохому, плохому учат ее одержимые последователи, предубежденность неразвитого ума.

Бог для того и дал народам разные языки и разные учения, чтобы, потрудившись, научились понимать друг друга, говоря именно на разных языках, пестуя свой Путь, ибо к Единству высшего порядка идут разными путями. Единство достигается раскрытием индивидуального, все остальное – не единство, а камуфляж.

Историю человечества можно сравнить с огромной горой. Народы, исповедующие разные религии, приверженные своим обычаям, шли по разным склонам гигантской горы, не видя друг друга, а если и видели, то сражались или торговали. При мудрых правителях предпочитали торговать, обмениваться товарами, предметами искусства. Так узнавали друг друга. Завязывались горизонтальные связи, вроде Шелкового пути, но и они со временем терялись. Существовали, однако, невидимые связи по вертикали, они звали восходить к Вершине, туда, где нет раздоров. [...] Гора мешала народам видеть друг друга: каждому казалось, что только его путь верен, все остальное – ложь. И тем, кто полагал себя все-

² Е. Н. Трубецкой. Умозрение в красках. – М., 1916. – С. 52–53.

знающим, ведая лишь свой закуток, – да и его знать не могли, не ведая остального, – выпало мучительное восхождение к знанию Истины.

Они хотели стать всем, будучи ничем, и навлекли великое наказание на свою голову – Вавилонское столпотворение. Бог дал людям разные языки, чтобы они научились быть разными и жить вместе. Смысл истории в избавлении от эгоизма – национального, религиозного, социального. И пока это не произойдет, не спадут шоры с глаз, не разомкнутся путы, сковывавшие сознание, – не закончится Вавилон, границы вражды не перестанут рассекать мировое пространство. Чем ближе к Вершине, тем труднее путь. Чем ближе Вершина, тем страшнее падение: быть низвергнутым не к истинному Началу, а в Тартар; такая судьба уготована изменившему себе, своему назначению. [...] На Вершине же человек обретет Свободу и его уже не используешь как орудие своих вожделений.

Разные религии и учения трактуют по-разному причину несовершенства, падшести человека, но суть одна – помраченность сознания. Скажем, в буддизме это *авидья* – неведение, незнание истинных законов Бытия, что делает человека зависимым, несвободным существом. Авидья – космическая сила, изначальное волнение; человек же призван успокоить, сгармонизировать мировые отношения. Но пока авидья существует, и даже господствует в мире, человек будет пребывать в *майе*, в мире иллюзий, ложных представлений, все более запутываясь в сетях суетных дел и желаний, пока не осознает, что есть выход из дурной бесконечности. Есть возможность переправиться на другой берег или коренным образом изменить сознание. Тогда и откроется Истина, вещи предстанут в подлинном виде. [...]

В христианстве к грехопадению привел соблазн: первочеловек вкусил с древа познания добра и зла, и это повредило его душу. С тех пор он и стал мудрствовать, противопоставлять одно другому [...].

Раздвоению со времен древних греков подверглась и Красота. Потому и не могла «спасти мир», что была Цель, но не было средства, достойного Цели. Целое доступно лишь Целому, Красота открывается лишь целостному уму. Уже Платон и стоики противопоставили красоту духовную физической, красоту души и тела. Для стоиков красота – в характере человека. «Существует четыре вида прекрасного: справедливость, мужество, умеренность, благоразумие. Соответственно существуют четыре вида безобразного: несправедливость, трусость, неумеренность, неразумие» (Диоген Лаэртский).

Красота, как таковая, мало занимала их воображение, этическое превалировало над эстетическим: «Эти блага – Мудрость и Смелость, сама Красота и сама Справедливость и твердое, уверенное Знание всех вещей в их подлинной сущности. А разные там богатства, славу, наслаждения – все вообще, что связано с телом, – человек оставляет внизу и обнаженным господит кверху; так, говорят, и Геракл, предав себя сожжению на Эте, сделался богом. И он сбросил с себя все человеческое, полученное от матери, а его божественное начало, отделившееся в огне от всяких примесей, очищенным вознеслось к богам. Вот и этих людей философия, как некий огонь, освобождает от всего того, что неправильное суждение толпы считает удивительным»¹.

Неоплатоники обожествляли Красоту, видя в ней чистый, изначальный Свет: «так как ум прекрасен, даже прекраснейшее из всего, покоится в чистом свете и чистом сиянии и охватывает природу сущего — наш прекрасный мир есть лишь тень и отражение ума» (Плотин. Энн, III, 8, II).

Но чем более делился мир на идеальный и материальный, тем более страдала Красота, ибо она есть Целое. Прорыв в Целое у Августина: «По своим обязанностям и целям все

¹ Лукиан, Гермотим, или О выборе философии // Лукиан. Избранная проза. – М., 1991. – С. 44.

служат к красоте целого, так что чего мы ужасаемся в частностях, то производит на нас приятное впечатление, если рассматривать его в целом»². [...]

Но европейское искусство пошло своим путем, скорее противопоставления, чем единства, – путем анализа и синтеза, – в соответствии с дуальной моделью мира. И даже такой оригинальный художник XVIII века и Теоретик искусства, как Хогарт, назвал свое сочинение «Анализом красоты»². Пожалуй, это сочинение знаменует и надвигающуюся перемену в сознании – возвращение в лоно Бытия. Об этом свидетельствует поиск «языка» вещей (так буквально можно перевести родовое понятие японской прозы, повести – «моногатари» – «говорят вещи»), но само словосочетание «анализ красоты» совершенно невозможен для японцев; все равно что сказать «анализ бога».

Последнее, однако, не смущало европейский ум, одержимый идеей разъятия Единого. [...]

Такие философы, как Шеллинг, пытались снять противостояние красоты небесной красоте земной, но безуспешно. Даже Вл. Соловьев видел в природной, земной красоте «покрывало», сброшенное на шевелящийся под ним хаос, на «злую жизнь», подчиненную закону разобщения и взаимоуничтожения, но и видел спасение в Красоте абсолютной, Божественной. Свидетельство ли это двойной природы самой красоты или того, кто смотрит на нее и кто привык за два с половиной тысячелетия верить в изначальный Хаос, который человек призван побороть, переделав мир по своему усмотрению? Можно ли сомневаться, что из самых высоких побуждений превозносилась небесная красота: дать человеку идеал, цель восхождения к богочеловеческому. Но почему-то чем дальше, тем больше пленилась или полонилась душа демонической красотой. Не мучился ли Достоевский тем же: «В содоме ли красота? Верь, что в содоме – то она и сидит для огромного большинства людей... Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» («Братья Карамазовы»). Так оно и есть. Но это дело рук человеческих, или несовершенства его души, плод грехопадения: смотреть на красоту как на средство улады, оттого и поплатились расстройством души. Потому верил, что воссоединится Красота с духом, чтобы спасти мир.

Не было ли назначено человеку пройти тяжкий путь раздвоения, испить до дна чашу страданий, признать свое сознание «несчастливым», чтобы сделать выбор, – не выпасть в осадок, не самоистребиться в войнах, ли, в иммунных болезнях? К концу XX века осознается пророчество Августина: «когда человек живет по человеку, а не по богу, он подобен дьяволу» («О граде божием». XIV, 4). [...]

Можно согласиться, что все действительно разумно и все разумное – действительно в том смысле, что ничто не происходит напрасно, для чего-то случается, но рано или поздно возобладает разумное. Таков закон Бытия. [...]

Собственно, эта вера в конечную реализацию изначально совершенной внутренней Формы (*греч.* энтелехиа; *кит.* ли) прошла через всю философию: от древних даосов и Аристотеля до Хайдеггера и Бердяева.

О том же возвещали на своем языке творцы искусства: живописцы, музыканты, поэты. Мир устремлен к Свету, несмотря на отчаянное сопротивление Тьмы. И раз о том же говорили мудрецы Востока и Запада, значит, так оно и есть. Мысль достоверна, если возникает независимо, в разные времена, в разных частях света и не исчезает во времени.

И разве можно объяснить случайностью, простым совпадением, что на пороге XX века интеллигенция мира, от Америки до Индии и Японии, проникается идеей Единства всех в духе. [...] В 1838 г. в лекции, прочитанной в Гарвардском университете, Эмерсон провозглашал: «Поскольку человек справедлив в своем сердце, постольку этот человек –

² Прекрасному у Августина посвящена книга В. В. Бычкова «Эстетика Аврелия Августина». – М., 1984.

² У. Хогарт. Анализ красоты. Л.: Искусство, 1987.

Бог... Все существа исходят от одного духа, носящего в своих различных проявлениях разные названия: любви, справедливости или мудрости[...]».

Что уж говорить о русской идее «всеединства», объединившей философов – гордость русской культуры: братьев Р. Н. и С. Н. Трубецких, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, И. Л. Флоренского, попытавшихся претворить в жизнь учение Вл. Соловьева о «положительном всеединстве». Я уже не говорю о писателях и поэтах, о Л. Толстом и Достоевском, о Блоке и А. Белом. Вспомним, какой интерес проявлял Толстой к учению Лаоцзы и Конфуция, и его душевное отношение к Японии; или идею Достоевского о «вселенскости» русской души. Но ограничимся на сей раз тем направлением в русской философии, которое обозначено как школа «всеединства». На почве русской культуры прорастали зерна, брошенные в III в. Оригеном, в V в. – Августином. [...]

В учении Вл. Соловьева идею Всеспасения воплощает образ Софии, вечно женственного начала. Человек, по Соловьеву, существо нравственное, призван быть посредником между Богом и природой. Генетически – он вершина земной эволюции, онтологически он первичен. Это и дает ему силу и возможность одухотворить сущее, привести мир к Всеединству и выполнить свое мессианское назначение. Он достигнет этого по мере изживания своей греховности: «искушения плоти», «искушения духа» и «искушения власти» — три искушения лежат препятствием на пути восхождения к богочеловеку, но они бессильны перед любовью, которая есть «индивидуализация всеединства»¹. [...]

Оакура предвидит мировые войны, и слова его звучат пророчески: «Небо современного человечества сотрясается от борьбы Циклопов за богатство и власть. Мир движется вслепую, в тени самомнения и вульгарности. Наука продается, потому что совесть и благожелательность принесены в жертву выгоде. Восток и Запад – как два дракона мечутся в море невзгод, тщетно пытаясь отыскать жемчужину Жизни. [...] Он призывал мир к спокойствию, когда появились первые подземные толчки, предвещающие мировые катастрофы: «Мы долго шли разными путями, но почему бы нам не дополнять друг друга? Европейцы извлекли из экспансии выгоду, но потеряли покой. Мы лелеяли свою Гармонию, а она не смогла противостоять натиску извне... Так не лучше ли, не мудрствуя, просто встречаться почаще за чашкой чая?»

Мир не последовал совету зрячих и пережил цепь катастроф, действительно, небывалые страдания в конце Истории[...]. Но обречено на гибель то, что не укоренено в Бытии, не отвечает его законам. Была высшая правда в убеждении провидцев: как бы зло ни торжествовало в промежуточных фазах, конец, к которому придет История, будет уже окончательной, полной и вечной победой Добра.

Всемирный исторический процесс, если продолжить мысль Эрна, есть постепенное проникновение Логоса во все элементы мироздания. Человек, в своей ноуменальной сущности, принадлежит к царству Свободы и призван осуществить Вселенское освобождение: «Только соприкасаясь в глубинах своего духа с тем, что космически *будет*, а онтологически вечно *есть*, – может заполнить истинным содержанием *христианскую* идею прогресса». Человек – посредник между двумя мирами, та точка, в которой оба мира соприкасаются, реализуя себя, поднявшись до себя истинного, до «полного совпадения субъективно-переживаемого с объективным порядком и строем Вселенной»³ сможет выполнить свою миссию – Спасителя мира.

Но, значит, будущее за Целым человеком, которому дано преодолеть разрыв между субъективно-переживаемым и объективным порядком Вселенной, воссоединить Небо и

¹ Как не вспомнить слова японца XVIII в. – Сёо, проповедника «учения о сердце» (сингаку): «Если у Вселенной одно сердце, значит, каждое сердце – Вселенная».

Землю. Многого достигли наши предшественники, но и много утрачено с тех пор, – само понимание Целого. Наверное, уместно вспомнить о том, что же такое Целое, если от него зависит существование человека. Пожалуй, потому и ускользает Целое, что его все еще ищем не там и не тем способом. Сколько ни стремились образовать целое, не получалось, потому что Целое – не сумма частей, не агрегат, Целое не конструируется, а произрастает, проявляется в благоприятной среде, уже существуя в эмбриональной форме, как цветок в семени, Или то, что Аристотель называл Энтелехией, Лейбниц – монадой, а китайские ученые – внутренней формой (ли). Всякое же искусственное образование бездуховно и, стало быть, безжизненно – не укоренено в Бытии, все, не укорененное в Бытии, вымирает, самоуничтожается. [...]

Средневековые мистики верили, что в душе человека существует несотворенное начало, единосущное Богу, «искра божья» – по Экхарту (1260–1327), она и делает доступной истинную Красоту, которая, действительно, спасет мир, ибо, как и Свобода, первична, присуща Бытию. Значит, если есть в душе человека эта вечная и прекрасная частица, «искра божья», то, стало быть, ему доступно полное преображение, очищение души от зла, творимого непросветленным умом. [...]. Лишь Целое, достигшее полноты, может быть свободным. Часть потому и часть, что не свободна, зависима от какого-то надуманного, условного целого. [...]

Если следовать Толстому: «самое короткое выражение смысла жизни такое: мир движется, совершенствуется; задача человека участвовать в этом движении и подчиняться и содействовать ему»¹. Ему же принадлежат слова: «Только держитесь свободы, состоящей в следовании разумному пути жизни, т. е. дао, и сами собой уничтожатся все действия, причиняемые вам вашими чиновниками». Иначе говоря, нет Свободы вне целостного сознания, а все, что называлось до сих пор свободой, имело к ней малое отношение. Нет свободы вне истины: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8,32). Другого пути нет. Вне Истины нет Свободы, Истина же есть Целое, Целое же есть Красота. Наверное, эту Красоту и имел в виду Достоевский, говоря «мир спасет красота», – вернет «блудного сына» в лоно Бытия.

Если не Красота спасет мир, то что же спасет его? Все остальное, похоже, оказалось бессильно. Мир подошел к той черте, после которой или погибель, или Спасение. [...] Человека пытались убедить в необходимости прогресса, обращаясь к его разуму, воспитывая в нем моральное существо, но нет, видимо, пути прямее к сердцу человека, чем преображение Красотой. Говоря же словами Плотина: «Душа никогда не увидит красоты, если сама раньше не станет прекрасной, и каждый человек, желающий увидеть прекрасное и божественное, должен начать с того, чтобы самому сделаться прекрасным и божественным». Значит, не все потеряно, нет того, кто бы не мог не проникнуться этой мыслью: Красота откроется тому, у кого очистится душа. [...]

Итак, если Целое есть Истина, а Истина есть Красота, то ощущение этого приведет человека к Спасению; поможет ему познать себя, что мир и сам он изначально прекрасны, сотворены по законам Красоты или высшей Гармонии, Социальный, групповой интерес заставлял его идти против себя, не давал ощутить в себе «искру божью». Но осознав себя, свою первичность, он обретет Свободу. Познавший же Свободу, уже не может ее лишиться. Познавший Свободу не посягнет на свободу другого. [...]

У каждого народа – свое назначение, свой путь к Истине. Лишь разные дороги ведут к Единому. Вспомним еще раз Вивекананду, его лекцию в Мадрасе. «У всякой нации, как и у каждого отдельного человека, есть в ее жизни одна-единственная тема, которая служит центром ее существования, основная нота, вокруг которой группируются все остальные ноты

¹ Л. Н. Толстой. Дневник // Собр. соч.: В 20 т. – Т. 20. – М, 1965. – С. 98.

гармонии... Если она ее отбросит, если она отбросит принцип своей собственной жизненности, направление, переданное ей веками, – она, эта нация, умирает». [...]

В чем же, в таком случае, Путь России? Путь к Истине русского человека, похоже, угадан русскими философами начала века – Путь духовидения, духовного совершенства, как о том сказано в очерке Е. Н. Трубецкого «Россия в ее иконе». Русская земля, веками жившая без просвещения, благодаря подвигу св. Сергия, сподобилась той высоты своего просвещения, которое мало кому выпадало. В иконе XV в. она получила наиболее прекрасное и наиболее русское выражение – как хранительница неповрежденной веры православной. Отсюда и ее «вселенскость».

Это, конечно, не значит, что не нужно России просвещения, культуры: без них невозможно и все остальное, никакое предначертание не поможет. Культура, просвещение – непереносимое условие для реализации национальной энтелехии, в чем Россия убедилась на горьком опыте. Недостаточная степень просвещенности народа стала причиной национального недуга, невиданного по масштабу саморазрушения, надругательства над своими святынями. Взорванные и поруганные храмы – великий грех России мог, действительно, обернуться ее кончиной: без души погибает и тело нации.

Насколько такой взгляд на уникальность, неповторимость Пути каждого народа созвучен японцам, свидетельствуют слова из лекции Кавабата Ясунари «О существовании и открытии Красоты», которую он прочитал в Гавайском университете в мае 1969 г. Когда Рабиндранат Тагор, великий поэт Индии, приехал в Японию, он сказал в своей речи: «Каждая нация обязана выявить перед миром свою национальную сущность. Если же нации нечего дать миру, это следует рассматривать как национальное преступление. Это хуже, чем смерть, и никогда не прощается человеческой историей. Нация обязана сделать всеобщим достоянием то лучшее, что есть у нее. Благородный дух и есть богатство нации, а ее достояние – готовность, преодолевая узкие частные интересы, послать всему миру приглашение принять участие в празднике ее духовной культуры»¹. [...]

Есть роковая неизбежность в том, что процветающие цивилизации истощаются, и чем пышнее расцвет, тем печальнее увядание. Культура – живой организм: зарождается, расцветает и умирает. По крайней мере, так полагал О. Шпенглер, сравнивая культуры Индии и Китая с гигантскими высокими деревьями². Бывает и так, что объятый гордостью за свое прошлое народ перестает совершенствовать свой дух, перестает понимать то прошлое, на которое уповает.

То есть культура умирает только в том случае, когда прерывается связь в пространстве и времени: с собственными истоками, родником языка, с другими культурами, тогда она и выпадает из Бытия, народ наказывается за свою гордыню. Хотя, в сущности, ничто не исчезает, лишь затихает на время, чтобы, обновившись, одумавшись, пробудиться к новой жизни.

¹ К. Ясунари. О существовании и открытии красоты. – Токио, 1969. – С. 34–*35.

² С точки зрения О. Шпенглера, уже сошли с мировой сцены восемь культур: египетская, индийская, вавилонская, китайская, греко-римская, византийско-арабская и культура майя. Но время вносит свои коррективы, вдруг начинает цвести, казалось бы, увядшее дерево. Кстати, Шпенглер верил в зарождение девятой, русско-сибирской культуры.

3. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

3.1. ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Место когнитивной лингвистики в истории языкознания.
2. Проблема языка и мышления в когнитивной лингвистике.
3. Язык и внешний мир в ракурсе когнитивных исследований.
4. Язык и человек в когнитивной лингвистике (антропоцентрический подход к языку).
5. История изучения метафоры (от античности до наших дней).
6. Языковое значение как центральный предмет когнитивной лингвистики.
7. Полисемия языковых единиц и ее место в проблематике когнитивной лингвистики.
8. Язык и пространство: принципы языковой концептуализации пространственных отношений.
9. Концептуальный анализ текста как современное направление в лингвистике.
10. Значение межкультурных и типологических исследований для когнитологии.
11. Понятие интерпретации и аспекты образности в концепции Р. Лангакера.
12. Когнитивная модель понимания дискурса (Т. А. ван Дейк).

4. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет имени
Максима Танка»

УТВЕРЖДАЮ
Проректор по учебной работе БГПУ
В.В.Шлыков
«23» 2013 г.
Регистрационный № ВД-14-05-14-2013/баз.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Учебная программа учреждения высшего образования
по учебной дисциплине (по выбору студентов) для специальности:
1-02 03 04 — «Русский язык и литература.
Иностранный язык»

2013 г.

Пояснительная записка

Курс «Когнитивная лингвистика» ориентирован на формирование у научного аппарата когнитивной науки – одного из актуальных лингвистических направлений, что необходимо для формирования полноценной личности учителя любого профиля.

Цель дисциплины – ознакомить студентов с одним из перспективных научных направлений в современном языкознании – когнитивной лингвистикой как междисциплинарной наукой и тем самым способствовать преодолению концептуальной разобщенности гуманитарных дисциплин.

Задача дисциплины:

- систематизировать основные понятия когнитивной лингвистики, определить место антропоцентрической парадигмы в системе научного знания;
- сформировать у учащихся научный аппарат когнитивной науки;
- обучить методикам выявления и описания разных типов концептов;
- овладеть методами концептуального анализа текстов.

В результате изучения **дисциплины** студенты должны **знать**:

- в чем заключается сущность антропоцентрической парадигмы в языкознании, каковы источники и предпосылки когнитивной лингвистики;
- основные задачи и теоретические положения когнитивной лингвистики;
- также какова роль языка в процессе познания и осмысления мира.

Уметь:

- владеть разными методиками профилирования концептов, которые выработаны в современном языкознании;
- осуществлять концептуальный анализ разных типов текстов;
- реконструировать индивидуально-авторскую концептуальную картину мира.

Освоение программы «Когнитивная лингвистика» предполагает как лекционные, так и практические занятия, призванные обеспечить обратную связь между преподавателем и студентами.

Предлагаемая программа по когнитивной лингвистике ориентирована на филологов, в частности, студентов факультета русской филологии. В теоретической части представлены истоки, лингвофилософские основы когнитивной лингвистики, категориальный аппарат и основные методы. Предусмотрено знакомство с теоретической литературой – наследием А. Вежбицкой, В. фон Гумбольдта, В.Б. Касевича, А.А. Потебни, Э.Сепира, Ю.С. Степанова и др.

Практические занятия предполагают овладение методиками концептуального анализа разных типов текста, умение выявлять доминантные концепты в индивидуально-авторской картине мира; изучение способов профилирования концептов, исследование лексики и антропонимики в когнитивно-культурологическом аспекте, подготовку рефератов и выступлений.

Связь с другими с другими дисциплинами: философия, психология, лингвокультурология, поэтика.

Дисциплина «Когнитивная лингвистика» дневной формы получения образования рассчитана на 20 часов, из них 20 аудиторных, в том числе 20 часов лекционных.

Примерный тематический план

№	Наименование темы	Всего часов	Лекции
1	Когнитивная лингвистика – новая научная парадигма 2-й половины XX – начала XXI вв.	2	2
2	Проблема «язык и мышление» в русле современной научной парадигмы	2	2
3	Языковая картина мира	2	2
4	Отражение национального менталитета в языке	2	2
5	Теория концептуальной метафоры Дж.Лакоффа и М.Джонсона	2	2
6	Категоризация и концептуализация в языке и тексте	2	2
7	Стереотипы как предмет когнитивной лингвистики	2	2
8	Профилирование в языке и тексте	2	2
9	Фрейм и обработка информации	2	2
10	Концептуальное пространство текста	2	2
ИТОГО		20	20

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

Тема 1. Когнитивная лингвистика – новая научная парадигма 2-й пол. XX – начала XX века

Предмет, задачи и перспективы когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика в системе гуманитарных дисциплин. Истоки когнитивной лингвистики.

Античные теории языка и когнитивная лингвистика. Философские взгляды Платона. Идея врожденных знаний. Исследование феномена знания. Теория категорий в трудах Аристотеля.

Период Средневековья и Нового времени. Проблема сознания человека в философских и богословских трудах Аврелия Августина, Фомы Аквинского, Р.Декарта, Г.Лейбница, Д.Локка, Б.Паскаля.

Обоснование необходимости поисков универсальных «элементов человеческой мысли» в трудах Г.Лейбница.

Вклад немецкой философской школы в когнитивную науку. Понятие ментальных схем в работах И. Канта. Лингвофилософские взгляды В. фон Гумбольдта в свете когнитивной парадигмы.

Эстетическая концепция А.А.Потебни. Когнитивизм и лингвокульту-рология: общее и различное. Концептуализация языка и тип научной парадигмы. Определение языка в различных лингвофилософских концепциях.

Тема 2. Проблема «язык и мышление» в русле современной научной парадигмы

Язык как признак Homo. Признаки языка: универсальность и бесконечность. Язык как когнитивная способность человека: проблема врожденного и приобретенного в языке. Язык как когнитивная способность, связанная с сознанием, мышлением, когнитивной переработкой знаний и их репрезентацией. Язык как отражение познавательных способностей человека. Кумулятивная функция языка. Соотношение понятий *язык и мышление*, *язык и познание*, *язык и знание*, *язык и культура*, *язык и общество*. Роль языка в процессе приобретения знаний. Акт коммуникации с точки зрения когнитивной лингвистики.

Тема 3. Языковая картина мира

Знание о мире и языковая картина мира. Проблематика языковой картины мира во взглядах ученых XIX – XX вв. Варианты термина: картина /образ/модель мира. Соотношение понятий языковая картина мира и картина мира.

Понятие научной картины мира. Наивная картина мира как реальные представления о мире и человеке, свойственные членам данного культурно-исторического сообщества на определенном этапе его развития (В.Б. Касевич).

Базисные категории картины мира: *пространство* и *время*. Категоризация объектов действительности. *Вещи* и *отношения* в языковой картине мира. Универсальные оппозиции и их роль в процессе реконструкции языковой картины мира. Оппозиция *имя* – *глагол* в языковой картине мира.

Тема 4. Отражение национального менталитета в языке

Уровни языка по семантическому треугольнику Ч. Морриса. Размытость семантики. Значение и смысл как свойства знака потенциального и реального. Значение языкового знака. Денотат и десигнат и концепт (Г.Фреге).

Национальная картина мира. Национально-культурный компонент и языковая картина мира. Картина мира творческой личности. Возможности адекватного/неадекватного отражения в языковой картине мира при переводе. Семантические примитивы (А.Вежбицкая).

Тема 5. Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М.Джонсона

Понятие о тропах в риторике (Аристотель). «Стертые» тропы и история языка. Роль метафоры и метонимии в концептуальной системе человека (Дж. Лакофф). Метафоры в разных типах дискурса. Метафора и сравнение. Метафора и гипербола. Метафора и градация. Метафора и метаморфоза. Классификация метафор. Концептуальные и базовые метафоры. Индивидуально-авторские метафоры. Метафора и символ. Проблема понимания метафор. Неметафорические преобразования смысла.

Тема 6. Категоризация и концептуализация в языке и тексте

Классификация, категоризация как ментальная деятельность человека. Классическая теория категорий (Аристотель). Категоризация с опорой на прототип (Э.Рош). Идея «фамильного сходства» Л.Баттенштейна. Границы между категориями. Понятие прототипной ситуации (Ч. Филмор, А.Вежбицка). Понятие когнитивной домены (*domaine*) (Р.Лангакер). Связь между познавательными категориями и языком. Модель радиальной категории (Д.Лакофф). Модель сети (Р.Лангакер). Центральные и периферийные элементы категорий. Категоризация объектов действительности и языковая картина мира. Зависимость классификации от типа культуры.

Концептуализация – ключевое понятие когнитивной лингвистики. Соотношение терминов *концепт* и *понятие*. Концепт: его ментальный характер и способность к категоризации мира (А.Вежбицка, Р. Павиленис). Понятие концептосферы (Д.С. Лихачев).

Способы концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения языковых сообщений. Концептуализация как один из важнейших процессов познавательной деятельности, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов и всей концептуальной структуры. Концептуализация как процесс порождения новых смыслов.

Тема 7. Стереотипы как предмет когнитивной лингвистики

Теория стереотипов с точки зрения когнитивной лингвистики. Стереотипы, стандарты и лексическое значение. Национальные стереотипы. Функции стереотипов в социуме. Понимание фразеологизмов-идиом как стереотипов культуры (В. Телия).

Тема 8. Профилирование в языке и тексте

Профилирование и другие понятия описания иерархической структуры значения. Соотношение понятий *точка зрения*, *перспектива*, *профилирование*, *образ*, *портрет*, *аспект*.

Понятие фасеты (семантической категории). Соотношение семем, сем и структурных уровней концепта.

Категоризация и профилирование. Профиль и грамматические категории. Понятие профилирования по Р.Лангакеру. Профилирование и интерпретация текста. Профилирование и перевод.

Тема 9. Фрейм и обработка информации

Фрейм как «пакет» информации, который обеспечивает адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Синонимы понятия фрейм – схема, сценарий, ситуация, план, когнитивная модель и т.д. (Минский, Шенк). Фрейм и понятие ассоциативных связей. Понятие фрейма и семантического поля. Фрейм и ассоциативное поле.

Формальное представление фрейма в виде структуры узлов и отношений. Терминальные узлы (слоты). Фреймовые семантики. Процессы усвоения, накопления и использования информации человеком.

Пресуппозиция. Текст и культура.

Тема 10. Концептуальное пространство текста

Проблема понимания смысла. Постулаты когнитивной семантики. Интертекстуальность. Вертикальный контекст художественного произведения как филологическая проблема. Подтекст, затекст, интертекст: типология и функционирование в художественном тексте.

Способы концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения текстов. Концептуальное пространство текста. Концептуальная система или структура как ментальный уровень, где сосредоточена совокупность концептов, их упорядоченное объединение. Образование новых концептов; объяснение способности человека пополнять концептуальную систему. Понимание текста и тезаурус носителя языка. Индивидуальное когнитивное пространство. Роль прецедентных текстов в когнитивной структуре языковой личности.

Ключевые концепты культуры: Универсальные, национальные и индивидуально-авторские концепты. Основные концепты языка «возможных миров».

Концептуальная структура языковой личности. Методы анализа концептуальной структуры. Универсальные, национальные и индивидуально-авторские концепты.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КАРТА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Номер раздела, темы, занятия	Название раздела, темы, занятия; перечень изучаемых вопросов	Количество аудиторных часов				Материальное обеспечение занятия (наглядные, методические пособия и др.)	Литература	Формы контроля знаний
		лекции	(семинарские) занятия	лабораторные занятия	самостоятельная работа студента			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
	КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (20 ч.)	20						
1.	Когнитивная лингвистика – новая научная парадигма 2-й пол. XX – н. XXI вв.	2						
1.1	1. Истоки когнитивной лингвистики 2. Основные школы когнитивной науки. 3. Язык как признак Homo sapiens 4. Особенности функционирования языка в конце XX ст.					1. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры. – М., 1985. 2. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретационного подхода // Вопросы языкознания, № 4, 1994. 3. Вежицка, А. Язык.	[2] [3] [8] [6 доп.]	Конспектирование источников для самостоятельной работы

						Культура. Познание. – М., 1996.		
1.2	1. Античные теории языка и когнитивная лингвистика. 2. Лингвофилософские взгляды В. фон Гумбольта. 3. Когнитивизм и лингвокультурология: общее и различное.					1. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры. – М., 1985. 2. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретационного подхода // ВЯ, № 4, 1994. 3. Вежбицка, А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.	[2] [3] [8] [6 доп.]	Конспектирование источников для самостоятельной работы.
2.	Проблема «язык и мышление» в современной научной парадигме	2						
2.1.	1. Признаки языка: универсальность и бесконечность. 2. Язык и мышление. 3. Язык и познание. 4. Роль языка в процессе приобретения знаний.					1. Степанов, Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX в. // Язык и наука XX в. – М., 1995. 2. Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – Спб, 1996.	[2] [3] [8]	

2.2.	<p>1.Изменение взглядов на язык на протяжении XIX – XX вв.</p> <p>2.Концептуализация языка и тип научной парадигмы.</p> <p>3.Определения языка в различных лингвофилософских концепциях.</p>					<p>1. Степанов, Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX в. // Язык и наука XX в. – М., 1995.</p> <p>2. Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – Спб, 1996.</p>	<p>[2]</p> <p>[3]</p> <p>[8]</p>	<p>Конспектирование источников</p>
3.	Языковая картина мира	2						
3.1.	<p>1.Соотношение понятий ЯКМ, научная картина мира, «наивная картина мира».</p> <p>2.Базисные категории картины мира.</p> <p>3.Способы организации ЯКМ.</p> <p>4. Проблемы реконструкции ЯКМ.</p>					<p>1. Вежбицка, А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.</p> <p>2. Гуревич, А.Я. Представления о пространстве и времени в средневековой Европе //История и психология. – М., 1971.</p> <p>3. Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – Спб, 1996.</p> <p>4. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка/ Д.С.</p> <p>5. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988.</p> <p>6. Степанов, Ю.С.</p>	<p>[4]</p> <p>[5]</p>	<p>Фронтальный опрос.</p>

					Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.		
3.2.	1.Проблематика ЯКМ во взглядах ученых XIX – XX вв. 2.Категоризация объектов действительности. Вещи и отношения в ЯКМ. 3.Универсальные оппозиции и их роль в процессе реконструкции ЯКМ.				1. Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – Спб, 1996. 2.Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988.	[4] [5]	Конспектирование источников для самостоятельной работы
4.	Отражение национального менталитета в языке	2					
4.1.	1.Национально-культурный компонент и языковая картина мира. 2.Возможности адекватного/неадекватного отражения в языковой картине мира при переводе. 3. Теория семантических примитивов (А.Вежбицка).				1. Вежбицка, А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. 2.Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – Спб, 1996.	[12] [13] [8]	Фронтальный опрос.
5.	Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М.Джонсона	2					
5.1.	1.Понятие о тропах в риторике и когнитивной лингвистике. 2. Роль метафоры и метонимии в концептуальной системе человека.				1. Аристотель. Категории //Аристотель //Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории.– Минск, 1998. 2.Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной	[1] [9] [14]	Сравнительный анализ концептуальных метафор

						лингвистике.– Вып. 23.–М., 1988	[3 доп.]	
5.2.	1.Классификации метафор. 2.Концептуальные и базовые метафоры. 3.Метафора и символ.						[1] [9] [14] [3 доп.]	Конспектирование источников для самостоятельной работы.
5.3.	1.Проблема понимания метафоры.						[1] [9] [14]	Конспектирование источников.
6.	Категоризация и концептуализация в языке и тексте	2						
6.1.	1.Категоризация и концептуализация в языке. 2.Способы концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения языковых сообщений.					1. Аристотель. Категории //Аристотель //Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории.– Минск, 1998. 2.Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М., 1988	[8] [10]	Конспектирование источников для самостоятельной работы.
7.	Стереотип как предмет когнитивной лингвистики	2						
7.1.	Языковые стереотипы.	2				Е.Бартминьский. Стереотип как предмет лингвистики //Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005. С. 133– 158.		

7.2.	Функции стереотипов.							
8.	Профилирование в языке и тексте	2						
8.1	1.Профилирование и другие понятия описания структуры значения. 2.Категоризация и профилирование. 3.Профилирование и интерпретация текста. 4.Профилирование и перевод.					1. Langacker R. Foudations of Cognitive Grammar, vol. 1. – Stanford, 1987. 2. Wierzbicka, A. Lexicography and Conceptual Analysis. – Ann Arbor, 1985.		
8.2.	1. Соотношение понятий точка зрения, перспектива, профилирование, видение, образ, портрет. 2.Соотношение семем, сем и структурных уровней концепта.					1.Profilowanie w języku i tekście. – Lublin, 1998. 2. Langacker R. Foudations of Cognitive Grammar, vol. 1. – Stanford, 1987.		
8.3.	Профилирование доминантных концептов в художественном тексте.				2	1.Profilowanie w języku i tekście. – Lublin, 1998.		
9.	Фрейм и обработка информации	2						
9.1.	1.Фрейм как «пакет» информации. 2.Соотношение понятий фрейм, схема, сценарий, когнитивная модель. 3.Фреймовые семантики.					1. Минский, М. Остроумие и логика бессознательного //Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ). Вып. 23, – М., 1988. 2.Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания // НЗЛ, Вып. 23. – М., 1988		
9.2.	1. Структура фрейма.					1. Минский, М. Остроумие и логика бессознательного		

	2.Фрейм и ассоциативное поле. 3.Фрейм и семантическое поле. 4.Слоты и терминальные узлы.					//Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ). Вып. 23, – М., 1988. 2.Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания // НЗЛ, Вып. 23, – М., 1988		
10.	Концептуальное пространство текста	2						
10.1	1.Проблема понимания смысла. 2.Интертекстуальность. Понятие «возможного мира».					1.Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. 2.Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов. М., 2007.		Написание эссе.
10.2	1.Языковые и текстовые знания. 2.Тезаурус читателя. Понятие альтернативного мира.					1.Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. 2.Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов. М., 2007.		Концептуальный анализ текста.

4.2. ПЕРЕЧЕНЬ УЧЕБНЫХ ИЗДАНИЙ

ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Баранов, А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56, N 1. С. 11–21.
2. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
4. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: «языки русской культуры», 1999. – 780 с.
5. Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – Спб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 288 с.
6. Лакофф Дж., Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1995. С. 143–184.
7. Лангакер, Р. В. Природа грамматической валентности // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1998. N 5. С. 73–111.
8. Лангакер, Р. В. Модель, основанная на языковом употреблении // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1997. N 4. с. 159–174; N 6: с. 101–123.
9. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
10. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ, 2010. – 314 с.
11. Прохоров, Ю.Е. В поисках концепта. – М.: Икар, 2004 - 204 с., изд. 2-е - М., Флинта: Наука, 2007. – 200 с.
12. Прохарава, С. Выбранные працы. Мінск. Права і эканоміка. 2009. – 325 с.
13. Рахилина, Е. В. Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сборник обзоров. М., 1997. С. 370–389.
14. Рахилина, Е. В. Когнитивная лингвистика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 274–323.
15. Скребцова, Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Послесл. Н. Л. Сухачева. СПб., 2000.
16. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
17. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. 1999. N1: с. 91–115; N4: с. 76–104; N6 с. 88–121.
18. Ченки, А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. N 2. С. 68–78.
19. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 340–369.

Дополнительная

1. Бабенко, Л.Г., Васильев, И.Е., Казарин, Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: уч. для вузов по спец. «Филология». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 534 с.
2. Брагина, Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки слав. культуры, 2007. – 520 с.
3. Воркачев, С. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: «Гнозис», 2007. – 284 с.
4. Десюкевич, О.И. Теория текста: пособие для студентов Ин-та журналистики БГУ. – Минск: БГУ, 2011. – 132 с.

4.3. Концепция воспитания через дисциплину

Факультатив «Когнитивная лингвистика» направлен на формирование зрелой языковой личности, обладающей коммуникативной компетенцией высокого уровня. Знакомство с разными школами когнитивной лингвистики, концептуальный анализ текстов разных типов побуждает к дальнейшей рефлексии, направленной на осознание места и роли языка, особенностей человеческого мышления, что способствует развитию мыслительной, духовной культуры. Этим определяется значение данной дисциплины для изучения всего блока гуманитарных наук.

4.4.МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

4.4.1.Методическое обеспечение УМК

Факультатив «Когнитивная лингвистика» включает в себя изложение основных теоретических проблем когнитивной лингвистики, рассмотрение современного этапа развития лингвистических исследований, места когнитивной лингвистики в истории языкознания и в комплексе когнитивных наук, представление и анализ моделей мыслительной деятельности.

Содержание факультатива «Когнитивная лингвистика» опирается на знания, полученные по таким дисциплинам, как введение в языкознание, основы межкультурной коммуникации, современные лингвистические теории, концептуальный анализ текста, культура речи и когнитивная психология. Тем самым изучение дисциплины следует принципу реализации межпредметных связей, позволяет показать взаимодействие этнокультурных, социокультурных факторов функционирования языка.

Программа факультатива предусматривает освоение основных понятий – «языковой и концептуальной картины мира», «концепта», «концептуальной метафоры» «фрейма», «стереотипа», «профиля», «точка зрения» и «перспективы», изучение процессов категоризации и концептуализации с учетом теории прототипов.

Итоговой формой контроля по факультативу является реферат по одному из основных тематических разделов дисциплины, а также концептуальный анализ текста, который предполагает умения: анализировать образную составляющую текста, определять типы концептуальных метафор, уметь профилировать ключевые концепты текста, анализировать текст с позиции когнитивной грамматики, охарактеризовать культурный уровень языковой личности по набору ключевых имен.

4.4.2. Методические рекомендации к лекционному курсу

1. Рекомендации для преподавателя

Основная цель лекционных занятий состоит не столько в том, чтобы изложить информацию по предусмотренным программой темам, а в большей степени в том, чтобы сопоставить новые подходы к изучению языка и мышления с теоретическими аксиомами традиционного языкознания, что будет способствовать пробуждению рефлексии над природой языка, слова и культуры в их взаимодействии.

2.Рекомендации для студентов

Лекционные занятия по факультативу «Когнитивная лингвистика» предполагают позицию сотворчества: не просто механистическую фиксацию информации, а параллельное наблюдение над собственной речью и речью окружающих. Базовым принципом,

необходимым для успешного усвоения лекционного материала, является понимание того, что литературный язык и диалекты не противопоставленные друг другу, а напротив, взаимообусловленные и взаимопроникающие формы существования русского национального языка.

4.4.3. Перечень рекомендуемых средств диагностики

Выбор форм диагностики компетенции студентов должен определяться следующими требованиями: воспроизведение теоретической информации, закрепление практических умений и навыков, формирование активной мыслительной деятельности, а также творческой компетентности.

Для контроля качества усвоения знаний используются следующие средства диагностики:

- устный опрос во время занятий;
- письменные самостоятельные работы;
- концептуальный анализ текста;
- реферат.

4.4.4. Критерии оценки результатов учебной деятельности по учебной дисциплине

Зачет по дисциплине ставится, если студент владеет теоретическим материалом, научным аппаратом когнитивной науки, умеет анализировать образную составляющую текста, восстанавливать концептуальную метафору текста, профилировать базовые концепты текста, охарактеризовать индивидуально-авторскую картину мира.

Незачет ставится в случае, если студент не освоил теоретический материал по дисциплине, не владеет методиками концептуального анализа текста, не умеет выявлять концептуальную метафору в тексте и объяснить авторское своеобразие индивидуальной картины мира создателя текста.